

Василий Кристонов

ОРУЖИЕ СКОРБИ

I

**Я
ВЫБИРАЮ
СМЕРТЬ**

Василий Криптонов

**Оружие скорби. Книга
1. Я выбираю смерть**

«Издательские решения»

Криптонов В.

Оружие скорби. Книга 1. Я выбираю смерть / В. Криптонов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937683-1

Далекое будущее. Человечество заселило множество планет. Только две расы остались без приюта. Первые — искусственно созданные люди, обладающие сверхразвитым интеллектом и невероятной скоростью регенерации тканей. Вторые — некогда элитное, а ныне забытое за ненадобностью воинское подразделение. Они — смертельные враги. И так случилось, что в поисках нового дома они выбрали одну галактику.

ISBN 978-5-44-937683-1

© Криптонов В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	25
Глава 9	27
Глава 10	29
Глава 11	31
Глава 12	34
Глава 13	38
Глава 14	41
Глава 15	44
Глава 16	47
Глава 17	50
Глава 18	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Оружие скорби

Книга 1. Я выбираю смерть

Василий Кристонов

*Одна только мысль одна только страсть
И оружие скорби.*

Поль Элюар «Оружие скорби»

© Василий Кристонов, 2018

ISBN 978-5-4493-7683-1 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-7682-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Лейтенант Фенир, исполняющий обязанности стрелка на корабле, сверлил взглядом экран радара, на котором не было видно ни одного объекта.

– Тоска, – заявил Фенир. – Торчим тут без толку, гарантирую. Может, свяжешься с Аргеном и попросишься обратно?

Он обращался к старшему лейтенанту Ирцарио, который сидел тут же, в рубке, и, закинув руки за голову, смотрел на далекие звезды. Услышав слова Фенира, он поморщился.

– Аргеной сказал – патрулировать до особого распоряжения. Лично я сопли распускать не намерен. Хочешь позориться – давай сам.

– До особого распоряжения, – проворчал Фенир, повернувшись к радару. – А оно будет, это распоряжение? Может, он вообще про нас забыл! Хотя нет, вряд ли. Ты же – золотой мальчик.

– Хочешь поединок – так и скажи, – бросил Ирцарио, не сменив позы.

– Извини, я не об этом, – поднял руки Фенир. – Просто до смерти надоело тут сидеть. Можно подумать, они такие идиоты, что...

В этот момент Ирцарио показалось, что несколько звезд исчезли, а потом, одна за другой, появились. Как будто тень скользнула по ним.

– Корабль! – Ирцарио мгновенно сгруппировался, от его расслабленной позы не осталось и воспоминания.

– А? – растерялся Фенир. Его привел в чувство писк радара. Точка появилась на самой границе зоны действия.

– Ого, – пробормотал стрелок. – Думаешь...

– А кто больше? – огрызнулся Ирцарио. – В ту сторону лететь некуда.

– погоди, что ты собираешься... – Фенир замер с раскрытым ртом, глядя, как Ирцарио запускает двигатели.

– Пристегнись.

Корабль рванулся вперед, будто хищная птица за беззащитной мышкой. Расстояние до цели стремительно сокращалось.

– Попробуем установить связь? – предложил Фенир.

– Готовь сеть.

– Но если...

– Сеть.

Фенир выругался шепотом и принялся настраивать пушку захвата. Ирцарио увеличивал скорость, глядя то на монитор, то вперед, туда, где можно было различить невооруженным глазом тень, скользящую в пустоте.

– Не дай бог там будет хоть один гражданский, – проворчал Фенир. – Мы из этого патруля до смерти не вылезем, я гарантирую.

– Мать твою! – воскликнул Ирцарио.

Фенир проследил за его взглядом и вскинул брови в удивлении. Точка исчезла с экрана.

– Они «прыгнули»! – воскликнул он.

– Держись крепче.

– Ирцарио, не сходи с ума, это опасно, мы не знаем, какой у них радиус...

Фенир не успел договорить – весь мир разлетелся на осколки. Ощущения во время сверх-световых скачков нельзя было передать никакими словами. Привыкнуть к ним тоже было невозможно. Исчезало сразу все – и Вселенная, и корабль, и сам человек. Как будто просыпались какие-то древние, непостижимые чувства, с помощью которых можно было понять иные измерения.

– Гадство! – крикнул Фенир, приходя в себя. – Предупреждай, когда...

– Стреляй! – перебил Ирцарио.

Фенир взглянул на радар. Корабль рядом. Стальная птица блестела впереди, в свете прожекторов.

– Ну, привет, – шепнул стрелок, прежде чем нажать кнопку пуска сети.

Пушка выплюнула световой пучок по направлению к кораблю. Пучок расширился, превратившись в частую сетку, окутал корабль и сжался вокруг, повторяя контуры жертвы. Тоненькая нитка тянулась от получившегося клубка к кораблю Гинопоса.

– Есть! – воскликнул Фенир, забыв о страхах и возмущениях.

– Давай их сюда, – улыбнулся Ирцарио.

Ловко орудуя рычажком, Фенир, словно опытный рыбак, подвел захваченный корабль ближе. На мониторе компьютера высветилась схема корабля. Ирцарио отдал команду осуществить стыковку, и сеть с кораблем принялась поворачиваться. Наконец, тишина нарушилась металлическим лязгом – два корабля слились в единое целое.

– Даже не пассажирский, – заметил Фенир с толикой разочарования в голосе. – Может, вообще пустышка.

– Пустышка бы не смогла сделать скачок, – возразил Ирцарио. – Пошли, поговорим с ребятами.

Они не встретили сопротивления. На корабле было двадцать взрослых узургов, и все они собрались в коридоре, глядя на захватчиков ярко-зелеными глазами. Как коровы, которых привели на убой.

– Вот теперь точно можно отчитаться перед Аргеном, – сказал Ирцарио, оглядывая улов. – Леди, джентльмены, позвольте поздравить! Вам выпала редкая честь послужить поднятию боевого духа у легионов запаса.

– Какого черта дверь закрыта? – Фенир стоял у двери в рубку и тыкал на открывающую кнопку. – Там еще кто-то есть?

Узурги молчали.

– Кто в рубке? – Ирцарио сменил тон, сразу став серьезным.

Тишина. Мужчины, женщины – все они переминались с ноги на ногу, искоса глядя друг на друга. Ирцарио поднял тесак – оружие, созданное специально для узургских голов. Найдя взглядом камеру слежения, Ирцарио крикнул:

– Эй, ты! Думаю, ты смотришь. Смотри внимательно, потому что я не остановлюсь, пока ты не выйдешь.

С этими словами Ирцарио вонзил тесак в живот стоявшему ближе всех мужчине. Тесак не был предназначен для колющих ударов, и Ирцарио ощутил, как плоть рвется, вместо того чтобы разрезаться. Боль должна была быть невыносимой.

Мужчина, охнув, упал на колени. Ирцарио уперся ему в плечо ногой и вытащил окровавленное оружие.

– Выходи быстро, мразь! – надрылся Фенир, колотя в дверь кулаками. – Выходи, или мы их всех тут порешим, я гарантирую!

– Хватит разоряться, все равно сеть блокирует системы управления, – сказал Ирцарио, глядя, как постепенно затягивается рана у раненого узурга.

– Они летели к Ковчегу, я гарантирую! – крикнул Фенир. – В компьютере должны быть координаты. Если эта мразь уничтожит их...

Ирцарио все понял. Раненый мужчина пытался отползти, но Ирцарио остановил его, наступив на живот. Узург взвыл. Трое парней дернулись было помочь ему, но остановились, когда Ирцарио очертил в воздухе серебристую дугу своим тесаком.

– Стоять на месте, – велел он, извлекая кинжал из ножен. – Эй, ты! Считаю до трех и начинаю операцию по смене пола одному из твоих дружков. Раз. Два. Три.

Ирцарио не успел сделать ничего. Раздался писк, и дверь с мягким шипением отъехала в сторону. Фенир тут же рванулся в проем, отшвырнув кого-то в сторону. Это оказалась девушка-узорг с длинными темными волосами. Завидев Ирцарио, она не опустила взгляд, как все остальные, но лишь крепче стиснула зубы. «А в ней есть сталь», – мелькнула мысль в голове Ирцарио.

– Ты – иди сюда, – сказал он, пинком отталкивая от себя скулящего мужчину.

Девушка только сложила руки на груди. От надменного взгляда ее зеленых глаз Ирцарио продирала сладкая дрожь.

– Дорогая, ты же не хочешь, чтобы я тебе голову снес? – сказал он, поневоле улыбаясь.

– Ничего иного я от тебя и не жду, – отозвалась девушка. – Палач.

– Не надо стучать краски, – поморщился Ирцарио. – Вам никто не мешает взять оружие и дать бой. Но вы предпочитаете, чтобы вас казнили. Эй, Фенир, что там?

– Сука все уничтожила! – раздался из рубки стон стрелка. – Все! Она отформатировала все носители, даже программ навигации не осталось.

– Скверно, – сказал Ирцарио. – Но ладно, двадцать узоргов – тоже неплохой улов.

С момента захвата корабля прошло четыре часа. Ирцарио едва стоял на ногах от усталости. Темно-синяя форма Гинопоса напиталась кровью узоргов. Не лучше выглядел и Фенир. Хотя узорги и были чужды военному делу, тайны они хранить умели. В свою очередь гинопосцы знали тот порог боли, за которым не существовало тайн. Четыре часа жесточайших во Вселенной пыток дали плоды. Ирцарио вызывал Аргеноя лично.

На экране появился мужчина лет сорока, с длинными черными волосами. Его лицо, как всегда, было сосредоточенным.

– Говори быстро, – велел он.

– Захвачен корабль с узоргами, – сообщил Ирцарио. – Двадцать человек.

Лицо едва заметно дернулось.

– Это шутка? – спросил Аргеной.

– Они пытались уйти в межгалактическое пространство. Координаты Ковчега успели стереть, но мы узнали кое-что интересное.

Ирцарио выдержал паузу. Аргеной вздохнул:

– Ирцарио, как ты понимаешь фразу «говори быстро»? – спросил он. – Что вам удалось узнать, ну?

– Где искать Хирта, – скороговоркой сказал Ирцарио. – Планета Иргил. Мы сможем быть там через двадцать четыре стандартных часа. С вашего позволения мы бы хотели взять Хирта.

Аргеной думал. Информация явно понравилась ему.

– Иргил нас не очень-то жалует, – пробормотал он. – Да, крупномасштабную операцию лучше не затевать. Сделайте все сами – быстро, чисто и без лишних жертв. Если Ланс опять начнет трезвонить мне со своим нытьем, я тебя уничтожу. Все понял?

– Так точно, – кивнул Ирцарио. – Как поступим с пленными?

– Двадцать штук?

– Да.

– Я распоряжусь, чтобы их забрали. Отправь свои координаты, корабль прилетит в три «скачка». Конец связи.

Экран погас. Ирцарио перевел сверкающий взгляд на Фенира.

– Ну вот, видишь? «Торчим тут без толку!»

– Двадцать штук? – переспросил Фенир.

– Да ладно тебе, – отмахнулся Ирцарио. – Кому какое дело.

– Ты ведь ее даже не пытал. А она явно знает больше остальных.

– Ни черта она не знает.

– Это она тебе сказала?

– Слушай, заткнись, а? – сжал кулаки Ирцарио. – Я пока еще старше тебя по званию. Так что делай, как я говорю. Двадцать узоргов.

Фенир пожал плечами. Он слишком устал, чтобы спорить с Ирцарио. Девушка с темными волосами сидела в каюте Ирцарио, накрепко связанная, с кляпом во рту.

Глава 1

– Эй, начальник, мы тут уже два часа сидим! – крикнул Мазур, постучав по решетке кулаком.

Дежурный поднял взгляд от экрана компьютера, посмотрел на нарушителя спокойствия и вернулся к своим делам. Мазур, фыркнув, обернулся к товарищам по несчастью. Фарид и Лейст сидели рядом на скамейке, не проявляя никакого участия. Фарид грыз ногти и ритмично стучал ногами по полу.

– Успокойся, а? – поморщился Мазур. Его раздражал этот звук.

– Нам конец, – прошептал Фарид.

– Ничего нам не будет, хватит дрожать. Господи, как ты только в учебке не вздернулся!

Фарид отмахнулся, но стучать ногами перестал. Зато ногтям досталось вдвое больше. Мазура такой вариант вполне устроил, и он посмотрел на Лейста.

– Эй, дружище, ты как?

Лейст молчал. Он не трясся, не грыз ногти, даже, казалось, не дышал.

– Лейст! Эй, очнись! – Мазур потряс его за плечо.

Лейст качнулся на месте, будто неживой. Его взгляд блуждал где-то в другом месте – в недалеком прошлом.

Кровь была повсюду – на руках Лейста, на асфальте, на топоре, который они выбрали для своей грязной работы. Лейста трясла нервная дрожь. Он стоял над обезглавленным телом женщины-узорга и не мог поверить, что все, наконец, закончилось. Кровавый след тянулся по асфальту метров пятнадцать.

Фарид плакал где-то в отдалении, чуть ближе рвало Мазура. Лейст смотрел на топор, который держал в руке, и не мог найти никаких чувств у себя в сердце. «Должно быть, шок», – подумал он.

– Ну и живучая, тварь! – всхлипнул Фарид, подбадривая сам себя.

– Мазур, упакуй голову, – сказал Лейст, не поворачиваясь.

– Не, – слабым голосом сказал Мазур. – Давай ты. Меня положит...

– Мне плевать, что тебя положит. – Лейст не мог оторвать взгляда от тела на мостовой. – Я достаточно сделал. Поработай немного ты.

Что-то новое появилось в его голосе. Это был голос человека, переступившего черту и устоявшего на ногах. Мазур, сдерживая рвоту, подошел к голове, лежащей рядом с телом, и коснулся ее портативным пластификатором. Прозрачная пленка обернула голову, навеки запечатлев гримасу боли и ужаса на красивом молодом лице.

– Мама?

Лейст поднял голову и почувствовал, что у него в душе все переворачивается. В пятнадцати шагах от тела стояла девочка лет десяти, в школьной форме. Ее глаза пылали зеленым.

– Ты знал? – шепнул Лейст.

– Какая разница? – огрызнулся Мазур. – Думаешь, Гинопос ее пощадит?

– Ты знал? – повторил Лейст.

– Мама? – Девочка уронила сумку, из которой вылетела и разбилась об асфальт дешевая электронная книга.

– Ни с места! – заорал кто-то.

Лейст повернулся и увидел патрульного полицейского, держащего пистолет в трясущихся руках.

– Это узорг, все нормально, – всхлипнул Фарид.

– Твари! – завизжала девочка. – Уроды! За что?

Она подбежала к Лейсту. Ее ноги в простеньких сандалиях скользили по крови матери. Девочка принялась колотить Лейста, заливаясь слезами.

– Ни с места! – снова заорал полицейский. – Буду стрелять!

«Стреляй! – подумал Лейст. – Убей меня, и покончим с этим».

Он замахнулся топором на атакующую его девчонку. Та замерла.

– Давай! – крикнула она. – Убей, ты же храбрый! Убей меня!

– Брось топор! – надрывался полицейский.

«Убей меня!» – просил мысленно Лейст.

Грохнул выстрел, и все померкло. Падения Лейст не ощутил.

В помещение вошел человек в форме майора полиции. Мазур тут же прильнул к решетке.

– Наконец-то! – воскликнул он. – Все в порядке, командир? Мы можем идти?

Майор не обратил на него внимания. Он подошел к дежурному и что-то ему сказал. Дежурный ответил. Говорили эмоционально, но тихо, так что до Мазура долетали только обрывки слов. Разговор закончился тем, что дежурный встал, подошел к решетке и, что есть силы бряцая ключами, открыл замок.

– Произошло недоразумение, – сказал майор, глядя в сторону. – Вы можете быть свободны.

– А как насчет того придурка, что принялся палить? – воскликнул Мазур, перешагнув порок клетки.

В глазах майора вспыхнули недобрые огоньки, но голос его звучал все так же ровно:

– Возможно, при задержании были допущены нарушения. Я уверен, что суд примет вашу сторону. Использование парализующих снарядов было неправомерным в данной ситуации. В случае положительного для вас решения суда полицейское управление выплатит вам соответствующую компенсацию.

– А может, в досудебном порядке урегулируем? – допытывался Мазур. – Вызови-ка сюда этого сержантика, мы с ним потолкуем.

Лейст стиснул плечо друга так, что тот сморщился от боли.

– Вы просто так нас отпускаете? – спросил он, глядя на майора.

Полицейский встретил его взгляд.

– Извините, вознаграждений не выплачиваем.

– Так верни голову! – снова вмешался Мазур.

– Тело увезли в морг. Обратитесь туда, я ничего не могу сделать, – отозвался майор, все еще глядя в глаза Лейсту.

Лейст не мог поверить ушам. Он все еще слышал предсмертные крики женщины, ощущал ее кровь у себя на руках. И теперь его просто так отпустят домой – со всем этим?

– Это неправильно, – сказал он.

– Ты мне это рассказываешь? – скривился майор. – Статьи за убийство узорга нет. Формально они даже людьми не являются.

Лейст шел к выходу под аккомпанемент возмущений и угроз, изрыгаемых Мазуром, но слышал только эту фразу: «даже людьми не являются».

Проходя мимо прозрачной двери, Лейст остановился. Там, в комнате для посетителей на старом диване сидела девочка. Она плакала, уткнувшись в грудь тому полицейскому, что подстрелил Лейста. Девочка плакала, даже не являясь человеком.

– Вам не стоит здесь задерживаться, – послышался голос майора.

Лейст вздрогнул и повернулся к нему. Заметил планку с именем на груди полицейского. «Реввер С.» – так было написано на металлической пластинке.

– У нее остался кто-нибудь? – спросил Лейст.

– Пожалуйста, покиньте участок, – отозвался Реввер.

– Повежливей, уважаемый, – вклинился Мазур. – Я имею полное право зарубить эту малолетку прямо здесь.

– Закрой свою пасть, сопляк, – чуть повысил голос майор. Сержант, утешавший девочку, поднял голову и встретил взгляд Лейста. «Лучше бы я тебя убил», – прочитал Лейст в его глазах. «Знаю», – мысленно ответил он. Сержант отвернулся, продолжая гладить осиротевшего ребенка.

– Как ты меня назвал? – Мазур продолжал наседать, несмотря на то, что Фарид дергал его за рукав.

– Без протокола, – сказал Реввер. – Мне, чтобы зарубить тебя, никаких прав не нужно. И не думай, что я побоюсь отсидеть за это.

Мазур хотел что-то сказать или даже ударить капитана, но Лейст остановил его, оттеснил плечом.

– Пошли, – сказал он.

– погоди, Лейст, я хочу разобраться...

– Сейчас я с тобой разберусь. Пошли отсюда.

Он толкнул друга к выходу, и Мазур для разнообразия не стал спорить.

Занималась заря. Над Иргилом всходило красноватое солнце, доживающее последние миллионы лет. Лейст застегнул пуговицы старого плаща, стоя на крыльце полицейского участка.

– Ну что, в морг? – спросил Мазур.

– Прямо сейчас? – вытаращился на него Фарид.

– А когда? Хочешь, чтобы голову выбросили или сожгли, или что они там делают? Или получают вознаграждение вместо нас. Поехали, тут недалеко.

Мазур коснулся серебристого браслета на запястье, и тот засветился, активируясь.

– Сейчас вызову такси.

Лейст молча зашагал прочь. С него было достаточно на сегодня, если не на всю оставшуюся жизнь.

– Эй, ты что, не с нами? – крикнул вслед ему Мазур.

Лейст не ответил. Он поспешил свернуть за угол участка, хотя это и был не самый короткий путь к дому. Просто не хотелось ничего и никому объяснять.

Глава 2

Дом приветствовал хозяина холодным блеском окон. Тишина царила в запущенном, заросшем сорняками саду. Лейст прошел по выложенной камнями тропинке, открыл дверь и вошел в дом. Все было на тех же местах, что и вчера: пустые бутылки, смятые пачки из-под сигарет, тарелки с засохшими остатками еды.

Лейст потянул носом воздух – пахло затхлостью, потом и куревом. Когда он в последний раз проветривал здесь? Находясь в этой атмосфере изо дня в день, Лейст начал воспринимать ее как должное, но теперь, после продолжительного отсутствия, содрогался от омерзения. Даже думать о том, чтобы уснуть здесь, было противно.

Лейст распахнул окна. Прохладный утренний ветерок ворвался в комнаты.

– Другой разговор, – пробормотал Лейст. Он даже улыбнулся было, но в памяти возникло окровавленное тело на асфальте. Улыбка превратилась в мученическую гримасу.

Опустив голову, Лейст прошел к кабинке молекулярного душа и, закрывшись там прямо в одежде, нажал кнопку запуска. Не прошло и минуты, как таинственные силы, заключенные в аппарате, притянули и выбросили через отдушину каждую молекулу грязи, пота и тому подобных излишеств. Ощущение чистоты и свежести немного взбодрило Лейста. Он вышел из кабинки и оглядел бардак, в котором тонуло его жилище.

– Прибраться бы, – тихо сказал Лейст. Но одна только мысль об уборке привела его в состояние, близкое к панике. Нет уж, к черту – лучше купить другой дом! Были бы деньги...

Он подошел к комоду, выдвинул верхний ящик и пересчитал свои сбережения. Сумма оказалась смехотворной, но все же достаточной, чтобы обратиться в клининговую фирму. Лейст протянул руку к компьютеру, но воспоминание о девочке, лупящей его кулаками, заставило остановиться. Он так и стоял с вытянутой вперед рукой, закрыв глаза.

– Что я делаю? – прошептал Лейст. – О чем я вообще думаю?

Где-то сейчас Мазур с Фаридом добывают голову убитой женщины, чтобы обменять ее на деньги. Ведь именно таков был план – заработать легких денег, одним ударом топора. Только вот ударов было не меньше десятка. Женщина слишком хотела жить. Она до последнего стремилась туда, откуда должна была появиться ее дочь. Бежала, шла, ползла... Должно быть, хотела спасти, защитить или хотя бы предупредить своего ребенка об опасности.

Даже людьми не являются...

Наверное, у этой женщины было чисто в доме – ей ведь было ради чего жить, хотя она и не являлась человеком.

Лейст захлопнул одно за другим окна, задернул занавески. Дом погрузился в полумрак, несмотря на восходящее солнце. Достав из холодильника бутылку водки, Лейст уселся на продавленный диван и сделал глоток. Рука, опустившись в щель между сиденьем и подлокотником, нащупала теплую рукоятку пистолета. Лейст достал оружие и посмотрел на него. Стандартная модель, уже более десяти лет на вооружении у десанта. Лейст потому и купил именно этот пистолет, что знал его со службы до мельчайших подробностей. Кому еще доверить разнести тебе половину черепа, как не старому другу?

Он давно знал, что этим все закончится. Много лет назад последние краски исчезли из жизни – с уходом Елари. С тех пор все, что делал Лейст, было лишь попыткой разжечь хоть какое-то пламя в душе. Он ушел из дома, записался в десантники и даже получил звание старшего сержанта. Было много путешествий, много планет. Много женщин, много друзей, много выпивки. Но в конце осталась только выпивка и старый знакомый пистолет, купленный, если верить тому, что Лейст написал в анкете, «для самообороны». Может, оно отчасти и верно.

С каждым глотком приближалось дно бутылки. После каждого глотка Лейст поглаживал рукоятку пистолета.

– Убийца, – сказал он, смакуя слово, пробуя его на вкус. – Почему же меня никто не наказывает? Я ведь убийца. Видно, не того убил...

Сделав последний глоток, Лейст разбил бутылку об пол и поднял пистолет. Перед глазами все расплывалось, но руки помнили, что нужно делать. Большой палец отщелкнул рычажок предохранителя, левая ладонь дернула затвор, дослав патрон в патронник. Теперь оставалось лишь нажать на спусковой крючок. Лейст заглянул в дульный срез.

– Пора подышать, ничтожество, – пробормотал он. – Давай только без этих дурацких страхов. Там нет ничего страшнее того, что здесь.

Большой палец дрожал на спусковом крючке. Мышцы напряглись, но что-то мешало Лейсту. Будто оставалось еще что-то, что нужно было сделать в этой жизни. В одурманенном алкоголем мозгу мысли ползали вяло, словно приготовились уже исчезнуть навеки.

– Девочка, – шепнул Лейст.

Пистолет дрогнул, ствол опустился. Лейст задумался. Эта несчастная девочка сейчас дома совсем одна. Даже не человек – узорг, которому никто не поможет. Закончить школу она не сможет, ведь узорги не получают пособий. Ей придется работать. Но кто возьмет ее? Чем она заработает на кусок хлеба? Перед ней простиралась только одна дорога, к тому же не очень длинная.

– Все благодаря мне...

Лейст отшвырнул пистолет в угол и схватился за волосы.

– Как я должен наказать себя, чтобы сделать ей лучше? – простонал он.

Взгляд метнулся в сторону комода. Деньги. Гроши, конечно, учитывая ее положение, но хоть что-то. Хотя бы он сможет помочь ей прожить еще несколько дней. Сможет попросить прощения...

Еще одна мысль словно молния озарила замутненное сознание Лейста: дом! Да, эта развалюха по-прежнему стоит денег! И участок весьма неплох, если приложить руку. Можно ли составить завещание на узорга? Или нет, лучше продать все и отдать деньги ей.

– Другой разговор! – произнес Лейст, глядя в потолок.

Такая стратегия означала еще несколько дней или недель жизни, но жизни, наполненной смыслом. Если, конечно, девочка во время первой же встречи не вонзит ему нож в грудь. Впрочем, Лейста устроил бы и такой вариант – не придется самому пачкать руки.

Он встал с дивана, сделал шаг к двери, но покачнулся и чуть было не упал: бутылка водки, выпитая натошак, дала о себе знать. На сегодня о визите к девочке придется забыть. К тому же, адреса ее Лейст не знал, а значит, придется идти в участок. Вряд ли полицейские обрадуются пьяному убийце, пытающемуся заполучить адрес дочери своей жертвы.

Лейст опустился на диван, тяжело дыша.

– Надо поспать, – сказал он пустому дому. – Просплюсь и сделаю все. А потом – пулю в лоб, честное слово.

С этой мыслью он отключился и спал долго, не видя снов.

Глава 3

Виан Лейст стоял во дворе многоэтажного дома, который выглядел таким же серым, как грозовое небо над ним. Таким же унылым и безрадостным, как сам Лейст. В который уже раз он перевел взгляд с бумажки, которую ему дали в полицейском участке, на табличку с адресом. Неужели она жила здесь? Район явно не относился к числу благополучных. Соседние дома превратились в руины, и если там кто-то жил, то не те люди, с которыми хотелось бы знакомить детей. Потому женщина встречала девочку. И Мазур не мог не знать об этом.

С другой стороны, в полиции могли обмануть его, дать адрес какого-нибудь наркомана или психопата. Эта мысль заставила Лейста скомкать бумажку и двинуться к дому.

Подъездная дверь оказалась открытой. Внутри было темно и пахло мочой и куревом – запах, слишком хорошо знакомый Лейсту, чтобы остановить его. Лифт не работал, ни на одной из площадок не горели лампочки. Поднимаясь на шестой этаж, Лейст подумал, что дом в принципе мог быть отключен от городской электросети. Что за люди жили здесь? Как они умудрялись выживать?

Лейст остановился у двери с номером «67». Пальцы левой руки стиснули в кармане плаща конверт с деньгами. Лейст надеялся на этот конверт, словно на оберег, хотя и понимал всю глупость своих чаяний. Что значат деньги для того, кто только что потерял любимого человека?

Не найдя звонка, Лейст постучал. Выждал десять секунд и постучал сильнее. Ни ответа, ни даже звука шагов.

– Чего долбишься? – послышался сзади неприятный голос.

Лейст обернулся. В дверях квартиры напротив стоял пожилой мужчина, голый по пояс, и курил самокрутку. В руке он держал древнюю винтовку. Ствол винтовки смотрел в пол.

– Оружие нужно, чтобы убивать и угрожать, – отозвался Лейст. – У тех, кто просто показывает, его легко отобрать.

– А ты рискни, крутой! – ухмыльнулся дед.

Ствол начал подниматься, но слишком медленно. Лейст шагнул вперед и аккуратно отобрал винтовку одним движением. В учебке их несколько месяцев заставляли отрабатывать приемы разоружения противника. Главное было не завладеть оружием, а сделать это бесшумно, быстро, так, чтобы палец часового не успел нажать на спусковой крючок.

– Опа, – озадачился дед, глядя на пустые ладони.

Лейст осмотрел оружие, усмехнулся и бросил обратно. Дед проворно поймал винтовку.

– А тем, кто показывает незаряженный ствол, его обычно знаешь, куда засовывают?

– Подумаешь, пугнуть решил немного, – проворчал дед. – А только долбишься все равно зря. Нету их. Мать убили вчера, а дочка всю ночь плакала, а теперь в школу, наверное, пошла. Или работу искать.

– Ясно, – сказал Лейст и сжал конверт с деньгами. Оставить, что ли, этому? Нет, старик явно свою долю снимет.

– Чай-то пить будешь? – Дед махнул винтовкой вглубь своей берлоги.

– Спасибо, напился уж – дальше некуда.

– Ну, бывай тогда.

Дверь захлопнулась, но шагов Лейст не услышал: старик притаился у глазка. Мысленно махнув рукой на стариковские причуды, Лейст пошел вниз. На первом этаже увидел ровные ряды почтовых ящиков, которые чудом пощадили вандалы. Лейст бросил конверт в ящик с номером «67».

– Я вернусь, когда продам дом, – пообещал он ящику. – Тогда и поговорим.

Лейст пошел домой кружным путем. Он ведь не торопился: ни денег, ни работы, ни каких-либо искушений. Нужно было лишь прийти домой и придумать, к кому обратиться, чтобы продать его.

В двух кварталах от дома Лейст встретил Мазура с Фаридом. Они шли навстречу, смеясь и болтая. Увидев Лейста, друзья обрадовались еще больше и, как он ни сопротивлялся, затащили его в кафе.

– У меня денег нет, – предупредил Лейст, но Мазура это не остановило.

– Сейчас будут, – сказал он, отмечая в электронном меню количество необходимого пива и рыбы. Нажав кнопку «отправить заказ», Мазур толкнул локтем Фариду. Тот встрепенулся и достал из-под куртки толстую пачку наличных.

– Это что? – спросил Лейст, уставившись на деньги. Пачки хватило бы на два таких дома, как у него.

Мазур толкнул Фариду еще раз, и тот, поморщившись, бросил рядом пачку поменьше.

– Вы забрали голову? – чуть слышно произнес Лейст.

Вот деньги, которых хватило бы девочке на долгое время, но... даже если бы он продал дом, девочка решила бы, что эти деньги – цена жизни ее матери. Она бы бросила их ему в лицо.

– Бери! – воскликнул Мазур. – Ты честно заслужил.

– Честно, – шепнул Лейст.

Принесли пиво. Официантка, пухлая блондинка в розовой униформе, покосилась на деньги жадным взглядом и улыбнулась Лейсту, видно, сочтя его главным. Он не обратил на неё внимания.

– Здесь слишком много, – сказал он, когда официантка ушла.

– Ты заработал, – настаивал Мазур. – Бери, и давай уже выпьем!

Он поднял кружку с пивом, но Лейст не ответил на его жест.

– Как понять «заработал»? – спросил он. – Тут очень много, Мазур. Вы что, себе только на пиво оставили?

– Мы достали девку, – подал голос Фарид.

Лейст закрыл глаза. Все чувства исчезли, оставив в сердце страшную пустоту. Может, она еще была жива, когда он пререкался с дедом.

– Она бы все равно долго не протянула, – заговорил Мазур. – Можно сказать, мы сделали ей одолжение.

– Она не мучилась, – подтвердил Фарид. – Мы взяли мачете, да и шея у нее тоньше, чем у матери. Эй, ты чего белый такой, тебя не вырвет?

Лейст встал, отшвырнув стул в сторону. Секунду он стоял, глядя на вытянувшиеся лица друзей, но не смог ничего сказать. Проклятия таяли, не успев сорваться с губ, обращались внутрь. Скрипнув зубами, Лейст выбежал из кафе, провожаемый любопытными взглядами посетителей и официанток.

Глава 4

Со стороны Лейст выглядел, как заядлый пьяница, возвращающийся домой. Так оно и было за исключением того, что Лейст был трезв. Он спотыкался и останавливался то и дело лишь потому, что не хотел возвращаться. Ничто не ждало его в той вонючей берлоге, которую он звал своим домом. Ничто, кроме смерти.

– Даже имени не спросил, – пробормотал Лейст. – Просто женщина и девочка. Даже не люди...

Возле дома его поджидала толпа. Лейст увидел их издали и сразу догадался о причинах собрания. Подойдя ближе, он узнал многих из своих соседей. Обычно эти люди улыбались ему при встрече и махали рукой, но сейчас их лица были злыми, позы напряженными. Две молодые девушки держали транспарант с надписью: «У клонов тоже есть душа!» Транспарант выглядел потертым – видимо, остался с какого-то митинга.

– Ну что, много получил? – крикнул самый широкоплечий мужчина. Лейст вдруг понял, что не знает его имени, как и имен всех остальных своих соседей. Ему всегда казалось, что каждый живет своей жизнью, но вот теперь они были по одну сторону баррикады, а он – по другую.

Торопливо, словно стремясь скорее блеснуть заготовленной репликой, одна из державших транспарант девушек крикнула:

– Тридцать серебренников, или больше?

Лейст остановился на безопасном расстоянии от них. Мозг сразу же занялся знакомой работой: пересчитал противников и оценил шансы. Лейст не хотел думать об этих людях, как о врагах, но не мог одолеть намертво вшитого в подсознание инстинкта бойца. Его нельзя было отключить, нельзя игнорировать. Лейст видел перед собой пятнадцать человек, вероятно безоружных, не обладающих спецподготовкой. Из них трое подростков и четыре женщины. Лейст расценил свои шансы как абсолютные.

– Я не взял денег, – сказал он.

– Для удовольствия, что ли, убивал? – сплюнув, спросил широкоплечий.

Девушка бросила камень, который Лейст машинально поймал. Ему стоило больших усилий не бросить его обратно – иначе девушка бы погибла на месте. Камень выкатился из его ладони на тротуар.

– Не нужно этого делать, – попросил Лейст.

– Боишься? – крикнул кто-то.

– Боюсь, – кивнул Лейст. – Если эта история чему-то меня научила, так это тому, что человеческая жизнь бесценна. Я не хочу, чтобы вы погибали от моих рук, но если вы нападете, то может пролиться кровь.

– У него даже оружия нет! – истерический женский визг. – Бейте его!

Толпа рванулась вперед, и Лейст перестал существовать: он превратился в робота, боевую машину, приоритетной задачей которой было сохранение своей жизни и боеспособности. Он видел перекошенные лица, разъяренные в воплях рты. Слышал и чувствовал треск костей и сухожилий, но не ощущал никаких эмоций. В сознании будто сменялись цифры обратного отсчета: десять, девять, восемь...

На цифре «пять» все закончилось – женщины отступили, склонились над своими ранеными. Лейст, опустив руки, мысленно прокрутил в голове ход битвы и с облегчением понял, что не нанес никому тяжелых ранений. Несколько вывихов, два перелома, разбитые носы и губы.

– Я ведь предупредил! – закричал он лежащим на асфальте людям. – Чего вы добились? Меня даже не посадят за это, на записи будет видно, что я защищался.

Лейст махнул рукой в сторону ближайшего столба, на котором висела камера слежения за безопасностью граждан.

– Вы могли погибнуть, – сказал он, понизив голос.

Одна из женщин постарше, баюкавшая своего лежащего без сознания мужа, повернула к Лейсту заплаканное, изуродованное гримасой ярости лицо и прокричала:

– Да чтоб ты сдох, ублюдок!

Лейст промолчал. Дорога к дому была свободна, и он пошел туда, перешагнув через смятый транспарант.

Много позже, когда пьяная дрема почти сморила Лейста, окно его гостиной разлетелось от брошенного камня. Лейст подобрал его и обнаружил записку, прикрепленную к камню с помощью резинки, которыми обычно перетягивают пачки денег. Там было всего четыре слова: «Лучше бы ты застрелился».

– Лучше было бы только мне, – сказал Лейст и спрятал записку в карман плаща.

Глава 5

Верховный главнокомандующий Гинопоса Аргеной чувствовал, что просто теряет время. Генералы, настоявшие на проведении совещания, поочередно брали слово и уныло блеяли об одном и том же. Слишком много средств на поддержку «охотников за головами». Слишком нерешительная политика в переговорах с Триумвиратом. Слишком, слишком, слишком...

Аргеной зевнул и поглядел на сидящего рядом Сонлера. Он обычно подсказывал господину, к чему нужно проявить больше внимания, но сейчас он сам выглядел скучающим. Но вот пальцы его руки, только что покоившиеся на столе без движения, напряглись и отбили сложный ритм. Аргеной обратился в слух.

Выступал генерал Ранрид, один из самых молодых генералов. Аргеной давно присматривался к этому не в меру ретивому офицеру, но он удивительным образом умудрялся не переступать черту. Теперь же он подошел к ней так близко, как никогда.

– Я не вижу смысла, – говорил Ранрид, – продолжать сидеть на корабле всем вместе. Это не выгодно даже по экономическим соображениям, как отметили все выступавшие прежде меня. Мы перекладываем истребление узургов на местных жителей, и что в итоге? Половина присланных нам голов даже не принадлежит узургам. Эти идиоты хотят таким образом свести личные счета и заработать денег к тому же. Ситуация обращается в фарс. Лично я прекрасно понимаю Ирцарио, который убил одного такого идиота, пытавшегося продать ему голову тещи. Узурги – это как заноза, которую лучше выдернуть сразу, а не ковырять черт знает сколько времени. Поэтому я предлагаю оставить на корабле минимум людей, а основные массы уже сейчас расселить по наиболее доброжелательным планетам. На местах будут проводиться зачистки. Да, конечно, гражданства нам пока не дадут, но ведь и узурги как-то жили. Наши люди *уже* смогут работать и налаживать контакты с местными. Эта ситуация, в которую мы сами себя загнали, идет от простого страха перемен и от потакания этому страху. Задача лидера – не прятаться от проблем, а поднять оружие и вести за собой людей!

Повисла тишина. Генералы смотрели на Аргеною и ждали реакции. Возможно неосознанно, но в словах Ранрида прозвучал вызов. Аргеной позволил себе несколько секунд наслаждаться этой атмосферой. На волоске от бунта, в шаге от хаоса. Это будоражило его сознание.

– Таким лидером должен стать ты, Ранрид? – спросил Аргеной.

Ранрид нахмурился, огляделся по сторонам, но не встретил ни одного взгляда, не ощутил поддержки. Генералы прятали глаза. В этой битве они предпочитали роль наблюдателей.

– Лучше вас нет лидера, – пробормотал Ранрид. – Ваши достоинства...

– Лизать будешь своей женщине, если ни на что другое не способен, – оборвал его Аргеной. – Сколько ты пробыл на земле в последний раз?

– Три стандартных месяца, – сказал Ранрид, проглотив одно из самых страшных оскорблений. Так можно было обратиться к кастрату вроде Сонлера, чтобы поставить на место. – Планета Анмил, там очень...

– Три месяца сделали из посредственного воина бесполезное трепло, не умеющее следить за своим языком. Что же произойдет с армией? Что будет, если узурги вернутся, а все наши воины будут радовать женщин своими языками?

– Ну хватит! – вскинул голову Ранрид.

– Ты посмел заткнуть мне рот?

– Нет... нет, я...

– Ты просто не хозяин своему языку, я понимаю, – кивнул Аргеной. – Сядь и молчи, если не хочешь бросить мне вызов.

Ранрид опустил на место, красный, будто девчонка, впервые решившаяся задрать юбку. Аргеной обвел взглядом генералов и поднялся на ноги.

– Я могу понять ваше нетерпение, – заговорил он. – Наше войско, наш народ из поколения в поколение хранит мечту о доме. Сейчас эта мечта близка, как никогда, и не мне вам рассказывать, что захватить – половина дела, а другая половина – удержать. Пусть даже сейчас речь не идет о войне, это ничего не меняет. Мы можем расселиться, но чем это закончится? Войной. Войной, в которой нам придется биться с двумя сильными противниками. Войной, в которой мы проиграем. Нас просто задавят числом, вот и все.

Генералы хмурились, пожимали плечами и переглядывались. Только Ранрид продолжал угрюмо смотреть в стол.

– Раз уж сегодня состоялся совет, – продолжал Аргеной, – я расскажу вам то, чего еще никто, кроме меня, не знает. Ирцарио вышел на след Винчу Хирта. Скорее всего, он схватит его в течении ближайших сорока восьми часов.

Генералы зашептались, новость их взбудоражила. Даже Ранрид поднял голову и внимательно посмотрел на Аргеноя.

– Поимка Хирта даст нам многое. Как минимум, ценного заложника, как максимум, координаты Ковчеха. В любом случае, именно с Хирта начнется осуществление нашей мечты.

– При всем уважении, – подал голос Ранрид, – мне не кажется, что такую операцию можно доверить Ирцарио. Хирт – дьявольски хитрая скотина, он столько раз ускользал от нас....

– При всем уважении, – прервал его Аргеной, – я не слышу формулы вызова. Значит, ты опять попусту треплешь языком. Это последнее предупреждение, Ранрид. Потом у тебя не будет шанса на поединок.

Убедившись, что генерал проникся угрозой, Аргеной снова окинул взглядом собравшихся.

– Начинайте готовить своих бойцов. Я хочу, чтобы, когда придет время, с узоргами было покончено быстро. А теперь мне нужно сделать некоторые распоряжения перед казнью.

Когда все генералы вышли из зала для совещаний, Аргеной обратился к Сонлеру:

– Для казни все готово?

– Двадцать узоргов помыты и переодеты, – пропел Сонлер.

– Разобрались со списком?

– Никак нет. По списку должно быть двадцать один. Недостаёт некой Елари Квинти. Корабль-перевозчик тщательно досмотрен – без результатов.

– Ирцарио, – проворчал Аргеной.

– Полагаю, так. Нужно ли устроить проверку?

– Нет, с этим я разберусь сам. Скажи лучше, что думаешь о том, что было здесь.

Сонлер пожал плечами, но по лицу было заметно, как он напрягся. Говорить правду королям – привилегия шутов и безумцев, а не кастратов.

– Ранрид сказал то, о чем думают все, – заговорил Сонлер. – Пока еще это просто недовольство, но со временем оно перерастет в бунт. Если с Хиртом ничего не выйдет, им нужно будет куда-то направить свою злость.

Аргеной только кивнул с таким выражением лица, будто Сонлер зачитал ему список блюд, которые планируется подать к ужину.

– Понятно, – сказал он. – Как зовут женщину этого клоуна Ранрида?

– Вайна.

– Вайна, да. Пусть она придет ко мне сегодня ночью.

Сонлер откашлялся, глядя на Аргеноя.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Занозы нужно вырывать сразу, а не ждать, пока загноится.

С этими словами Аргеной вышел из зала, оставив Сонлера в одиночестве делать пометки в блокноте.

Глава 6

Могучая, словно высеченная из цельного куска гранита фигура Аргеноя возвышалась над головами тысяч солдат, собравшихся сегодня в зале. Стоило ему выйти на сцену, как смолкли разговоры, прекратился гул, из тысяч глоток вырвался приветственный вопль. Аргеной не стал долго купаться в лучах славы. Секунды ему хватило, чтобы понять: измена не успела дать корней. Эти люди готовы идти за ним, а Ранрид оставался марионеткой, несмотря на амбиции.

Взмахом руки он заставил солдат замолчать. В ярко освещенном зале стало тихо, будто он был пуст. Аргеной заговорил. Ему не нужен был микрофон, чтобы докричаться до задних рядов. Мощный и глубокий звук, рождавшийся в его широкой груди, казалось, был способен заполнить собой Вселенную:

– Я приветствую лучших воинов Гинопоса! Я рад видеть в ваших глазах решимость пройти сквозь ад и отрубить голову самому дьяволу, если он осмелится перейти вам дорогу.

Очередной исполненный восторга вопль стал ему ответом.

– Сегодня мы как никогда близки к своей мечте. Впервые за долгие годы скитаний мы нашли галактику, которая станет нашим домом. Мы возьмем своих женщин и детей, войдет с ними в новые жилища, возделаем поля, заведем скот и повесим на стену наше оружие. Мы станем мирными и счастливыми людьми.

В этот раз вопль не был неистовым. В нем слышалась извечная тоска странников по своему клочку земли.

– Но до тех пор, – возвысил голос Аргеной, – мы останемся воинами. Самыми опасными людьми во Вселенной. Одними из тех немногих, для кого путешествие между галактиками много поколений назад превратилось из страшной сказки в суровую реальность. Прежде чем мы сложим оружие, нам еще придется убивать. Так мы заслужим свое счастье.

Аргеной подал знак стражникам, и на сцену вывели двадцать узоргов. Пока их выстраивали вдоль края сцены, гул толпы утратил мечтательные интонации и превратился в ропот.

Узорги были связаны только между собой длинной веревкой, а руки и ноги их оставались свободными. Эта идея была подсказана Сонлером: показать воинам, что даже с развязанными руками узорги не представляют опасности. На общей связке же настоял Аргеной. Если бы узорги в испуге принялись метаться по сцене, то казнь бы утратила всю свою серьезность и превратилась в цирк.

– Вот наши самые главные враги, – провозгласил Аргеной, указывая на ошaleвших от ужаса пленников. – Смотрите на них! На этих вероломных тварей, благодаря которым мы потеряли столько прекрасных воинов и чуть было не погибли все. Узорги! Их религия – хитрость и предательство. Они думали, что разделались с нами и прилетели в галактику Триумвирата, надеясь поступить так же с местными жителями и завладеть их планетами...

– Ты лжешь! – закричал один из узоргов, парень, стоявший ближе к середине цепочки. – Мы не сделали ничего плохого этим людям. Мы просто хотели...

Он не успел договорить. Аргеной подошел сзади и, достав из ножен тесак, рубанул по коленям парня. Тот с криком упал, заставив двух своих соседей склониться, будто в порыве заботы. Но это просто натянулась верёвка. Узорги пытались бежать, но своими попытками вызвали только злобный хохот у солдат. Аргеной тоже позволил себе улыбку.

– Он уже поднимается! – воскликнул главнокомандующий. – Смотрите, как быстро заживают раны у этих тварей. Чтобы убить их, нужно постараться. Но есть верный рецепт: твердая рука, верный глаз и острое лезвие. Этот тесак, – он поднял оружие над головой, – появился с единственной целью: убивать узоргов. У каждого из вас есть такой же. Покажите мне их, я хочу видеть их блеск!

Несколько тысяч тесаков одновременно взметнулись в воздух, сопровождаемые громовым ревом.

– Каждый из вас должен знать, что делать, встретив одну из этих зеленоглазых тварей. Смотрите и запоминайте!

С этими словами Аргеной опустил лезвие на шею стреноженного парня. Казалось, удар был совсем легким, но голова отделилась от тела и упала в зал, где, подхваченная бойцами, пошла по рукам. Каждый считал честью прикоснуться к голове, срубленной самим Аргеном.

Узорги вопили. Одни рвались прочь, заставляя остальных падать или смешно вытанцовывать. Другие молили о пощаде, стоя на коленях. Но тесак Аргеной поднимался и опускался до тех пор, пока еще девятнадцать голов не исчезли в беснующемся море обезумевших от вида крови солдат.

Аргеной не стал больше ничего говорить. Он просто смотрел на своих воинов и упивался чувством единения и общности. Скорее бы Ирцарио отработал по Хирту. Тогда все начнется и закончится, быстро и победоносно.

Глава 7

Распаленный казнью, Аргеной чуть было не забыл о своем приказании, но исполненный ярости взгляд девушки, стоящей у дверей его покоев, освежил его память.

– Ты – Вайна?

Девушка кивнула. Аргеной отметил про себя, что у Ранрида неплохой вкус. Девушка оказалась настоящей красавицей: с пышной грудью, округлыми ягодицами и стройными ножками, выглядывающими из-под юбки чуть выше колена. Вайна явно проводила досуг в спортзале – Аргеной чувствовал силу ее рук и ног так, как чувствовал бы силу соперника, стоящего напротив.

– Слушай меня внимательно, Вайна, – начал Аргеной. – Сейчас мы войдем внутрь, ты разденешься и ляжешь в постель. Можешь ненавидеть меня, сколько душе угодно, это ничего не изменит. Будь твой мужчина умнее, до этого бы не дошло.

– Обычно мужчины сами разбираются между собой, – сказала Вайна. От ее голоса у Аргеной перехватило дыхание. «Если она так очаровательно злится, – подумал он, – то как же она говорит с теми, кто ей по нраву?» Судьба Ранрида была решена в этот же миг.

– Обычно у мужчин хватает духу ответить за свои слова, – улыбнулся в ответ Аргеной. – Но иногда они подсылают женщин в качестве извинений.

Открыв дверь электронным ключом, Аргеной подтолкнул Вайну внутрь, не обращая больше внимания на ее гримасы. В отношениях с женщинами он всегда руководствовался простым принципом: нравится – бери. Тот же принцип определял его жизнь и в других её областях.

Несмотря на вдохновляющую прелюдию, в постели все было более чем тривиально. Сперва Вайна пыталась держаться отстраненно, потом просила не останавливаться, а под конец умоляла прекратить. Но Аргеной остановился лишь тогда, когда девушка лишилась сознания – это тоже был его принцип, отступить от которого он не любил.

Лежа на чуть влажных простынях, Аргеной смотрел в потолок и лениво перебирал в памяти события этого дня. Что-то не давало ему покоя, тревожило сознание, никак не желая выходить на поверхность. Отвратительное чувство: будто кто-то водит острием кинжала по спине. Все это было как-то связано с тихонько посапывающей рядом девушкой, и Аргеной принялся разматывать клубок. Вайна, которую он взял, чтобы наказать Ранрида. Ранрид, говорящий свои дерзкие слова на совете. Что-то он такое сказал, на кого-то сослался, что и вывело Аргеной из себя...

Ирцарио! Воспоминание пришло так внезапно, что Аргеной содрогнулся. Вот, значит, что он пытался забыть, убивая узургов и доводя до иступления Вайну. Приятная нега покинула тело. Аргеной подошел к столу и активировал экран компьютера.

– Экипаж сорок два, вызов, – сказал он машине.

На экране появилась заставка с песочными часами. Аргеной ждал, никак не выражая нетерпения. Наконец, песочные часы исчезли, вместо них появилось сосредоточенное лицо Ирцарио. Он сидел в кабине разведывательного корабля и контролировал его курс.

– Сорок второй на связи, – бросил Ирцарио, покосившись в камеру.

– Ты какой-то раздраженный, – заметил Аргеной. – Никак проспоришь Фениру девку?

Аргеной внимательно следил за выражением лица Ирцарио и заметил небольшую судорогу, произвольное сокращение мышц.

– Какую девку? – Ирцарио поморщился, так бездарно симулируя равнодушие, что Аргеной отвел взгляд. Он уже выяснил все, что хотел.

– Я даю тебе еще три дня поиграть, – сказал Аргеной. – Потом хочу видеть ее голову.

Ирцарио ответил не сразу.

– Это что, такая проблема? – Он подпустил еще больше деланого безразличия в голос. – Не припомню, чтобы тебя раньше волновали мои игрушки.

– Меня волнуют не игрушки, а то, как ты их добываешь. Ты пытался меня обмануть, пытался скрыть ее. Заставляешь меня нервничать, забивать голову лишними вещами. Может, хватит? У тебя есть реальный шанс подняться, войти в совет, как равному, а в перспективе стать героем – человеком, благодаря которому закончилось путешествие Гинопоса. Земля уже рядом, Ирцарио. Там все будут сами себе хозяева.

Лицо Ирцарио на мгновение приняло мечтательное выражение, и Аргеной позволил себе расслабиться.

– Глупо упустить все это из-за одной зеленоглазой твари, – добавил он. – Три дня. Потом я вспомню о ней и начну беспокоиться.

– Я услышал, – проворчал Ирцарио. – Три дня, голова – все ясно.

– Скоро будешь на Иргиле?

– Часов через шесть, не раньше. Нас встретят?

– Да, вам должен оказать содействие майор Реввер. Не жди, что он будет за тебя рубить головы – лишь бы в спину не ударил. Содействие означает, что он поможет тебе с поиском Хирта, отвезет, куда надо...

– То есть, ничего, – перебил Ирцарио.

– По крайней мере, не будет вставлять палки в колёса. И не свети там свой трофей! В этом городке на днях убили зеленоглазую с потомством, и это вроде как спровоцировало беспорядки. На вас и так будут косо смотреть.

– Может, переодеться в гражданское? – предложил Ирцарио.

– А ты начинаешь меня радовать, – улыбнулся Аргеной. – Отличная идея. Выходи на связь, как будет результат, но не позднее, чем через три дня. Конец связи.

Экран погас. Аргеной встал со стула и, потирая руки, повернулся к кровати. Вид обнаженной девушки, свернувшейся калачиком на смятых простынях, ненадолго озадачил его: он уже забыл о ней. Но открытие пришлось кстати, ведь нужно было куда-то деть энергию, бывшую ключом после успешного разговора с Ирцарио.

– Подъем, дорогая! – Аргеной шлепнул девушку по мягкому месту, приводя в чувства. – Впереди второй раунд.

Вайна застонала, неохотно открывая глаза, но ни словом, ни делом не разочаровала своего повелителя. Когда Аргеной почти заснул, его потревожил сигнал персонального браслета-транслятора. Подняв руку, Аргеной увидел то, что ожидал увидеть: оформленную по всем правилам заявку на поединок. Вызов прислал Ранрид. «В десять утра», – ответил Аргеной, не утруждая себя традициями. Ранрид, верно, полагал, что дело затянется, но Аргеной не любил разбрасываться временем.

Рука Вайны легла на его грудь. Губы спящей девушки шевельнулись, произнося беззвучно имя. В имени, как показалось Аргеной, было больше двух слогов.

Глава 8

– Хорошие бойцы готовятся к победе, плохие – готовят оправдания для поражения, – зевнул Аргеной, когда Сонлер закончил доклад.

Суть доклада состояла в том, что Ранрид уже в шесть утра разбудил секретаря Аргеной и завалил его бумагами, заявлениями и претензиями, согласно которым он, Ранрид, имеет право на три дня подготовки к поединку.

– Что ему передать? – спросил Сонлер, закрывая пухлую папку.

Аргеной вздохнул, посмотрел в окно. Разговор происходил на верхней палубе, и окна здесь были панорамными, огромными, через них открывался впечатляющий вид на галактику Триумвирата.

– Он не выдумал эти правила? – спросил Аргеной.

– Правила есть, хотя их почти никто не знает. Судя по красным глазам Ранрида, он всю ночь просидел в архиве.

Аргеной покачал головой. Ночь с Вайной вымотала его совершенно, даже злиться было лень. Теперь ему скорее было грустно видеть такое малодушие от одного из своих генералов.

– Первое, – начал Аргеной. – Скажи ему, что три дня у него есть. Второе: все эти три дня Вайна живет у меня. Третье: Ранрид исключается из совета и понижается в звании до полковника. Соответственно, подчиненные ему силы должны быть реорганизованы и перераспределены.

– Какую называть причину понижения? – спросил Сонлер, записав все распоряжения.

– Проявленную трусость и нарушения субординации.

Сонлер поклонился и направился к выходу, но Аргеной остановил его:

– Как считаешь, я поступаю правильно?

Сонлер пожал плечами.

– Ваша цель – унижить и уничтожить Ранрида. Это все понимают, как и причины его опалы. Единственное слабое место – Вайна. Ее он сможет обернуть в свою пользу.

– Верно, черт побери... ладно, пусть Вайна будет с ним.

Сонлер сделал соответствующую пометку в блокноте, но все же уточнил:

– Минувшей ночи хватит ему, чтобы выставить себя героем.

Аргеной улыбнулся, вспомнив минувшую ночь.

– Оно того стоило, если ты понимаешь, о чем я, – сказал он.

– Нет, – сухо сказал Сонлер и замер, ожидая разрешения уйти.

– Три дня, – проворчал Аргеной, глядя на четыре солнца Триумвирата. – Через три дня может начаться война, если Ирцарио сработает как следует. Вовремя же этот идиот решил оспорить власть.

Сонлер напомнил о себе покашливанием. Аргеной только отмахнулся, состроив недовольную гримасу:

– Иди, выполняй.

– То, что вы сейчас сказали, можно использовать.

– Это ты о чем? – спросил Аргеной, повернувшись.

– Ранрид знает о том, что в ближайшие дни может начаться война, и осуществляет действия, подрывающие авторитет власти. Перед этим он длительное время находился на одной из планет Триумвирата, где мог...

– Спутаться с узоргами! – воскликнул Аргеной.

– При таких подозрениях вы можете отказаться от поединка и запустить процедуру изгнания.

– Нет. – Аргеной мотнул головой. – Поединок будет. Через три дня я не хочу об этом даже вспоминать. Как скоро ты все устроишь?

Сонлер задумался. Пошевелил губами, загнул несколько пальцев.

– Ну? – нахмурился Аргеной.

– Придется сыграть грязно, распустить слухи, причем, как среди солдат, так и среди офицеров...

– Я знал, что не отмоюсь от грязи еще до того, как принял правление, не надо меня пугать. Сколько?

– Думаю, что завтра утром поединок состоится, – сказал Сонлер.

– Отлично. Иди. Все приказы в силе.

Сонлер ушел, оставив главнокомандующего в одиночестве на верхней палубе.

Глава 9

Аргеной никогда не пытался выяснить, как Сонлер делает то, что делает. Должно быть, работа была не из легких: найти слабые точки в обществе, грамотно их коснуться. Тут шепнуть нужное слово, там вскользь упомянуть о чем-то. А в итоге общество заведется, загудит и станет предсказуемым. Может быть, для кастрата это было искусством, вроде неведомого ему искусства любви. Во всяком случае, когда он занимался этим, глаза его горели.

Неоднократно Аргеной думал о том, что Сонлер запросто может настроить весь Гинопос против него. Что его останавливало? Возможно, лишившись естества, он и вправду утратил все мужские амбиции, вроде жажды власти. Но скорее всего просто боялся, что новый правитель запросто может оказаться не таким уж лояльным к кастратам, как Аргеной, который, кстати, и положил начало «программе стерилизации». До него слабых, неспособных к битве детей просто выбрасывали за борт.

Сонлер не подвел и в этот раз. Уже в середине дня, отобедав, как обычно, в одиночестве, Аргеной «узнал» от одного из генералов, что «Ранрид три месяца жил с зеленоглазой».

– Мне шепнул кое-кто, – пояснил генерал с важным видом.

– Ты правильно сделал, что обратился ко мне, – сказал Аргеной, с трудом сдерживая смех. – Я тебя не забуду.

Генерал ушел, довольный собой, а Аргеной с облегчением рассмеялся. Теперь вряд ли хоть один генерал поддержит Ранрида. Слухи же продолжали множиться. Вечером, занимаясь в тренажерном зале наравне со всеми, Аргеной случайно услышал разговор двух лейтенантов, подчиненных Ранриду.

– Все равно жестко он с ним, – говорил один, искоса поглядывая на Аргеноя. – Столько лет служил, ничего плохого от него не видели...

– А чего он именно сейчас начал воду мутить? – возражал второй. – Говорят еще, он с зеленоглазой жил. Я думаю, не он ли помог бежать тем узоргам, которых Ирцарию накрыл?

– Думаешь, так? – насторожился первый.

– А то! И Аргеной наверняка все знал уже давно, потому Ирцарию послал именно туда, где они в межзвездное пространство выскочили. Вот и скажи, жестко он с ним или мягко? Я бы его вообще за борт скинул...

– Ты полегче, – заволновался первый. – Он пока еще наш командир все-таки.

– Да ладно, кто услышит-то.

Ребята были одни, и слышал их только Аргеной, потому что прослушивающие устройства были встроены во все тренажеры, а сигнал с них шел на его браслет-транслятор.

Аргеной не мог себе представить, какое давление сейчас терпит Ранрид. К поединку он будет совершенно изможден и тридцать раз пожалеет, что не согласился на бой сразу же.

Думая так, Аргеной подошел вечером к дверям своих покоев и застал там Вайну.

– Сонлер заработался, – сказал он девушке. – Я отменил приказ, можешь идти к мужу.

– Я здесь не потому, что твой кастрат меня позвал, – в своей надменной манере ответила Вайна. – Я сама пришла.

– Зачем же?

Вайна лишь покраснела и ничего не сказала, но этот румянец объяснил Аргеною все. Он взял девушку за подбородок, и она позволила ему повернуть ее голову. На левой скуле он увидел кровоподтек.

– Гордая, – улыбнулся Аргеной.

– Это не он сделал. – Вайна опустила взгляд.

– Кто же?

– Один майор. Назвал меня предательской подстилкой. Их там много было, и Ранрид ничего даже не сказал, мы просто ушли.

– А теперь ты здесь...

– Да! – Вайна посмотрела ему прямо в глаза. – Может, я и подстилка, но не предательская. Если кто мой, так я за него горло перегрызу, пусть и сдохну.

В этот раз Аргеной позволил себе быть более нежным. Почувствовав это, Вайна завладела инициативой и довела своего повелителя до сказочных вершин блаженства.

– Вайна, – позвал Аргеной уже засыпающую девушку.

– М-м-м? – отозвалась она.

– Ты понимаешь, что самое позднее послезавтра он умрет?

Ответа не было, хотя Аргеной готов был поклясться, что Вайна не спала.

Глава 10

Ждать до послезавтра не пришлось. Едва Аргеной открыл глаза, как его браслет-транслятор загудел. Вызвал Сонлер.

– Прошу прощения за ранний звонок, – начал он, – но я знаю, что вы просыпаетесь примерно в это время.

– Ранрид бьется в истерике? – зевнул Аргеной.

– Да, он в зале, ждет вас. Нарушая все правила и традиции.

Аргеной посмотрел на Вайну, которая продолжала спать, обняв подушку. Разбудить ее? Но зачем лишние сцены?

– Жди меня там, – велел Аргеной. – Не позволяй ему много говорить.

– Ранрид предлагает кинжалы. Вы хотите, чтобы я...

– Нет. Просто иди туда, контролируй ситуацию.

Аргеной встал с постели и потянулся, наслаждаясь хрустом в позвонках. В спине что-то кольнуло, заставив Аргеной поморщиться. Боль тут же прокралась в поясницу, оттуда – в правую ногу. В течение нескольких секунд Аргеной не мог даже пошевелиться. «А если меня парализует? – подумал он, едва ли не в панике. – Кому я смогу доверить сходить ТУДА? Сонлеру? Этот хитрый уродец тут же возьмет надо мной верх. А если нет, то все равно – Гинопос не забудет этой слабости».

Глаза слезились от боли и бессилия. Аргеной видел только лицо спящей Вайны и мысленно умолял ее не просыпаться. Он не хотел, чтобы она видела его таким – слабым, беспомощным. Но веки девушки дрогнули и поднялись. Она привстал на локте, глядя на своего повелителя.

– Что случилось? – в ее голосе звучало искреннее беспокойство. – Спина?

– Ничего, – прошипел Аргеной. – Уйди!

Она не подчинилась. Спрыгнула на пол, подбежала к Аргеной и, приобняв его, помогла добраться до кровати.

– Ложись на живот, – предупредила она.

«Что помешает ей вонзить кинжал мне в спину?» – подумал Аргеной, подчиняясь своей игрушке. Но выбора не было, и Аргеной закрыл глаза, наслаждаясь ласковыми прикосновениями девушки.

– Легче? – спросила она.

Аргеной промолчал. Слишком уж стесняло его непривычное подчиненное положение. Но боль и вправду стихла, затаилась где-то в глубине, чтобы нанести удар в самый неподходящий момент. Аргеной понял, что в состоянии встать, но о том, чтобы победить в поединке, не может быть и речи. Какого-нибудь салагу еще может быть, но не Ранрида. Армия Гинопоса потому и была мощнейшей во Вселенной, что генералами здесь становились только лучшие бойцы, многократно доказавшие свою доблесть в бою.

– Я не хотел, чтобы ты меня таким запомнила, – проговорил Аргеной.

Ладони Вайны остановились, прервав свой успокаивающий танец на его спине.

– Ты так говоришь, будто собрался умирать, – сказала Вайна.

– Придется.

Он ощутил, как дрогнули ее пальцы. Что-то капнуло ему на спину. Аргеной понял, что пора прекращать это. Он попытался встать, но Вайна с неожиданной силой толкнула его, заставив лечь обратно.

– Что ты...

– Тихо! – шикнула она на него. – Закуси подушку, сейчас будет очень больно.

Аргеной не успел сказать ни слова. Нежные пальцы Вайны нажали на один из позвонков. Что-то хрустнуло и яростная, нестерпимая боль вспыхнула во всем теле сразу. Аргеной не кричал. Родившийся воином иначе реагирует на боль. Когда белая пелена боли спала, Аргеной увидел покрасневшее, с раскрытым ртом и закатившимися глазами лицо Вайны. Он душил ее, словно тот безумный ревнивец из представления, которое Аргеной видел когда-то давно.

Он опустил девушку, и она отшатнулась, тяжело дыша и растирая руками горло.

– Если я и умру сегодня, то не от рук женщины, – сказал Аргеной. – Такого позора мне не надо.

– Спина, – прохрипела Вайна. – Помогло?

– Что ты... – Аргеной не договорил. Он повел плечами, потом осторожно отклонился назад, нагнулся вперед. Движения выходили легкими, плавными, без малейшего намека на боль. Это чудо так изумило Аргеноя, что он забыл о Вайне и чуть заметно вздрогнул, услышав ее севший голос:

– Ты справишься теперь?

Аргеной привлек девушку к себе резким движением и заглянул в глаза. Она не испугалась, не отпрянула.

– Не смей так делать никогда больше, – сказал он. – Я мог тебя убить.

– Моя жизнь не стоит дороже жизни главнокомандующего Гинопоса, – ответила Вайна.

Кажется, впервые в жизни Аргеной поцеловал девушку утром, после всех ночных развлечений.

– Я дождусь! – шепнула она.

Впервые в жизни Аргеной позволил девушке остаться в своих покоях без присмотра. Направляясь к залу, он пытался вытравить из головы все эти глупые нежные мысли, но то и дело ловил себя на том, что улыбается, думая о Вайне.

Глава 11

Сцена, на которой недавно лилась кровь узоров, теперь представляла собой арену битвы. Трибуну убрали, как и занавески, за которыми чаще всего готовились к выступлению молодые девушки – зрелище, которое могло собрать полный зал. За исключением казней и поединков, разумеется.

Аргеной взошел на сцену, встреченный тишиной. Толпа не знала, как реагировать на происходящее. Веселит ли Аргеноя предстоящий поединок? Или же он, напротив, испытывает грусть? В одном был уверен каждый: Аргеной не боится. Вообразить главнокомандующего напуганным – непосильная задача для того, кто хоть немного его знал.

Ранрид, обнаженный до пояса, стоял посреди сцены, уперев руки в бока, и смотрел на Аргеноя надменным взглядом. Его мускулы, туго обтянутые кожей, так и бугрились, вероятно, приводя в экстаз юных девиц.

– Ты заставил нас ждать, Аргеной! – громко сказал Ранрид. – Что тебя так задержало?

– Твоя жена, – словно плюнул Аргеной.

Ранрид вздрогнул и первые несколько секунд не мог найти с ответом. В зале начали роптать: заявление Аргеноя было бы достойным обычного генерала в такой ситуации, но не делало ему чести, как главнокомандующему.

– Этот человек возглавляет нас! – Ранрид собрался, наконец, с мыслями. – Он должен быть бесстрашным лидером, ведущим нас к победе, но я вижу тирана, что думает только о себе. Сегодня он забрал себе мою жену, а завтра...

– Я не забирал твою жену, Ранрид, – сказал Аргеной. – Ты сам отправил ее ко мне, лишь только я попросил. Ты отправил ко мне свою жену, вместо того чтобы вызвать меня на поединок за одну лишь мысль об этом. Я проверил тебя на предмет соответствия должности и понял, что ты занимаешь ее по ошибке. Генерал, не способный защитить свою жену, не сможет защитить и своих солдат.

– Я пытался быть вежливым с тобой! – прорычал Ранрид. – А ты смеешь высказывать мне за то, что я не плюнул тебе в лицо?

– Есть тонкая грань между вежливостью и коленно-локтевой позицией. Ты эту грань перешел. Теперь уже поздно для разговоров, не находишь? Все эти люди собрались не для того, чтобы слушать нашу перепалку.

К застывшим друг напротив друга бойцам приблизился Сонлер. Ранрид, заметив его, отвернулся, выражая презрение.

– Как распорядитель поединка, я должен напомнить, что, какие бы причины ни привели на эту арену бойцов, выжить должен только один. Он унаследует все, что принадлежало его противнику, и сможет распорядиться этим по своему усмотрению. Кроме того, победитель обязан выполнить последнее желание проигравшего. Прошу вас огласить свои желания, чтобы я мог внести их в церемониальный протокол.

Ранрид задумался на секунду и сказал, обращаясь не к Аргеною даже, а к залу:

– Я хочу, чтобы ты сделал Вайну счастливой и не бросил ее никогда.

Эти слова вызвали вздох восхищения у всех присутствующих женщин. Стилус в руке Сонлера быстро заполнял графы протокола. Аргеной отвесил церемониальный поклон, показывая, что он принял желание к сведению и исполнит его.

Теперь все взоры устремились к Аргеною. Он лишь улыбнулся. Поединок уже начался, только Ранрид этого не понял.

– Позаботься о моем народе, – сказал он, глядя в глаза Ранриду. – Дай им землю, сделай их счастливыми и не бросай никогда.

С перекошенным от ярости лицом Ранрид поклонился под аккомпанемент нарастающего шквала аплодисментов. Аргеной с лихвой вернул всеобщее расположение, выставив Ранрида сентиментальным дураком.

Сонлер осведомился о выборе оружия. Ранрид показал кинжал, а Аргеной – раскрытые ладони. Ранрид побагровел еще больше, а зал наградил Аргеноя новой волной аплодисментов. Кинжал задрожал в руке опального генерала. Бросить или нет? Секунды шли, а Ранрид никак не мог определиться, будет ли он лучше смотреться с кинжалом или без него.

Ударил гонг, и менять решение стало поздно. Аргеной дал Ранриду ровно одну секунду, чтобы встать в стойку, а потом налетел на него, как ураган. Кинжал взметнулся, ища тепла человеческой плоти, но сегодня ему было суждено остаться голодным.

Ранрид выбрал тактику обороняющегося, несмотря на то, что только у него было оружие. Аргеной, к которому после волшебного массажа Вайны, вернулись силы, вымещал их на своем сопернике. Ранрид не был достаточно быстр, чтобы уклониться от удара, и ему приходилось выставлять блоки.

Аргеной не оставил сопернику ни единого шанса перейти в наступление. Поединок нужно было закончить быстро, потому что Аргеной не знал, чего ожидать от своего тела. Он слишком затянул с процедурой, чтобы рисковать. Улучив момент, он захватил руку Ранрида, выкрутил ее, заставил бросить кинжал. А потом, продолжая движение, сломал руку в двух местах. Крик Ранрида потонул в торжествующем реве толпы. Аргеной, тяжело дыша, взялся за голову Ранрида и одним движением сломал ему шею. Сочный, отвратительный хруст был достаточно явственным, чтобы прорваться сквозь ликование переполненного зала.

Безжизненное тело рухнуло на пол. Аргеной встал. Некоторое время он смотрел на труп, будто размышляя о чем-то, а на деле – успокаивая бешено колотящееся сердце. Постепенно гул в зале смолк, и в наступившей тишине Аргеной заговорил:

– Для меня нет радости в этой победе. Ранрид, один из генералов, мой советник оказался эгоистичным, трусливым предателем. Хорошо, что я смог его разоблачить, но плохо, что это случилось. Я не хотел давать ему поединка. Я хотел, и имел на это полное право, судить его и предать казни. Но он успел распустить слух о моей слабости и трусости. Я не мог позволить жить этому слуху, ведь тогда многие из вас захотели бы испытать себя здесь. Поэтому я вынужден был согласиться на поединок, которого не хотел. Теперь все вы – посмотрите на то, что осталось от Ранрида. Его больше нет. Нет бойца, нет командира – только бесполезный труп. Этого ли я хочу для своего народа? Такое ли будущее вы строите для себя?

– Нет, нет! – загудели в зале.

– Надеюсь, что так, – вздохнул Аргеной. – Готовьтесь. Скоро разразится последняя война, после которой мы покинем этот корабль навсегда.

Аргеной удалился со сцены под грохот аплодисментов. С Ранридом покончено, пора позаботиться о себе.

В коридоре его встретил Сонлер с бокалом красного вина. Опустошив предложенный сосуд, Аргеной с упреком посмотрел на секретаря.

– Что, даже не смотрел, чем закончится?

– Исход был для меня очевидным, – пожал плечами Сонлер.

– Ты бы то же самое сказал Ранриду.

– Ранрид не стал бы держать меня при себе – он ненавидит кастратов. К тому же, он предпочитал белое вино.

Аргеной усмехнулся. Понять, какие чувства испытывает Сонлер, было практически невозможно.

– Ты отличный секретарь, Сонлер. Может, даже более чем отличный и более чем секретарь. Сделай еще кое-что для меня.

– Все, чего пожелаете.

– Позаботься о том, чтобы в мои покои сегодня принесли ужин на двоих. И бутылка красного вина, само собой, не повредит.

Сонлер записал все в блокнот и посмотрел на Аргеню.

– Я позаботился о том, чтобы никого не было вблизи коридора 4Д, – сказал он. – Там якобы ведутся ремонтные работы.

Аргеню замер.

– Что?

– Ничего, просто позволил себе проявить немного инициативы. Если вы не против.

Сонлер поклонился и пошел прочь, оставив Аргеню смотреть ему вслед. Откуда он знал про этот коридор? Аргеню столько сил приложил, чтобы сохранить в тайне сам факт тайны и, как выяснилось, напрасно.

Глава 12

Коридор 4Д располагался в самой пустынной части корабля, куда редко забредали посторонние. Для непосвященных коридор, должно быть, представлял собой странное зрелище. Нет, не было ни кровавых пятен на полу и стенах, ни ржавых цепей – ничего такого. Просто это был длинный коридор, ведущий к единственной двери, узкий и как будто бесполезный.

Кроме того, каждый, кто захотел бы из чистого любопытства подойти к двери и подергать массивную металлическую ручку, с каждым шагом все сильнее сомневался бы в своих намерениях. Легкое беспокойство постепенно переросло бы в панический ужас безо всяких видимых причин. Растревоженное воображение дорисовало бы звук крадущихся шагов и приглушенное дыхание, а может, даже кровавые пятна на стенах.

Пару раз Аргеною приходилось слышать истории о привидениях, скрывающихся где-то здесь, на корабле, и он не сомневался, что все они связаны с коридором 4Д. Можно было предположить, что коридор этот со временем станет для молодежи ритуальным местом, где можно будет испытать друг друга на прочность. А когда лучше всего лезть во всякие сомнительные авантюры, как не во время массовых сборищ? Так что беспокойство Сонлера было вполне оправданным: приблизившись к двери, перекрывшей доступ к хозяйственным помещениям, Аргеной спугнул стайку подростков. Они убежали, хором сбивчиво поприветствовав Аргеною. Среди них он заметил девочку, державшую за руку одного из мальчишек. Почему-то эта картина, такая обыденная и простая, окончательно выбила главнокомандующего из колеи. Уже затих топот детей вдали, а он все стоял, глядя им вслед.

Наконец Аргеной очнулся, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, разгоняя ненужные мысли. Зависть к непорочной юности – может ли быть более жалкое свидетельство дышащей в спину старости. Нехорошие мысли, мысли о предназначении и смысле жизни – все это ни к чему не ведет и лишь вредит делу.

Аргеной повернулся к двери, над которой горела надпись: «Участок на ремонте. Вход запрещен». Он поднес к электронному замку свой браслет-транслятор, и дверь тут же открылась. Аргеной имел доступ во все помещения на своем корабле. Войдя внутрь и закрыв за собой дверь, Аргеной мысленно еще раз поблагодарил сметливость Сонлера. Что нужно главнокомандующему в хозяйственном блоке – скучный вопрос, а визит главнокомандующего в коридор 4Д – это уже небывалый всплеск интереса.

4А, 4Б, 4В, 4Г и, наконец, 4Д. Аргеной пошел по коридору, стараясь не обращать внимания на действие психотропного генератора, который и создавал этот неконтролируемый ужас. Обычно страх приятно щекотал ему нервы, заставляя кровь быстрее бежать по венам, но сейчас кровь стыла. Главнокомандующий Гинопоса, перед которым трепетали миллионы людей, был готов упасть на колени и заплакать. Единственное, что заставляло его двигаться вперед, было осознание простого факта: никто не поможет. Даже если проститься с остатками самоуважения и попросить кого-нибудь о помощи, это не даст ничего. Открыть дверь сможет только он сам. Если же этот предполагаемый помощник сумеет справиться с дверью, дальше его ждет только смерть.

«Не лучше ли смириться и дожить свой век, как положено человеку? – шепнула ее величество Старость. – Победа близка, тебе уже можно ничего не делать – просто отдай вовремя нужные приказы».

– Пошла вон, – прошептал Аргеной. До двери осталось несколько шагов.

«Ты можешь долго от меня бегать, но однажды я окажусь быстрее, – продолжала Старость. – Может, сейчас? Сможешь ли ты одолеть себя молодого? Каково будет погибнуть здесь? Поистине, повернуть назад будет не так стыдно».

– Я не погибну, – скрипнул зубами Аргеной.

Его рука коснулась ручки двери. Он перевел дыхание. Набрав полную грудь воздуха, Аргеной громко сказал:

– Аргеной, главнокомандующий Гинопоса.

Послышался успокаивающий сигнал, означающий, что идентификация прошла успешно. Для тех, кто наблюдал бы эту сцену со стороны, все выглядело так, будто произошло всего лишь сличение голоса. Но Аргеной не просто так взялся за ручку двери – микросенсоры стремительно анализировали его генетический код.

Дверь отворилась – отъехала в сторону, открыв оснащенное ярким светом помещение. Посреди него стоял Аргеной – такой, каким он был тридцать лет назад, в самом расцвете. Теперешний Аргеной ощутил себя жалкой пародией на это совершенное существо.

Это был робот, одно из достижений недолгого союза узоргов и гинопосцев. По изначальной задумке робот должен был быть одной из стадий новой системы обучения бойцов. В программу закладывалась информация о сотнях тренировочных боев конкретного солдата, после чего он получал бесценную возможность сразиться сам с собой, взглянуть на себя глазами врага, определить свои сильные и слабые стороны.

Аргеной был первым, согласившимся на испытание, и, в качестве знака уважения, узорги сделали первую модель копией Аргеноя даже внешне. Он успел трижды победить машину, прежде чем узорги предали Гинопос. Робот более не обучался новым приемам, но даже такого его не смог победить никто. В конце концов Аргеной нашел машине лучшее применение, чем тренажер для будущих бунтовщиков. Он дал ему боевое оружие и поставил охранять свой секрет.

Двойник Аргеноя бросился навстречу своему прототипу, на ходу обнажая меч – в ту пору именно меч был традиционным оружием гинопосцев. Аргеной встретил его выпад своим тесаком. Сталь ударила в сталь, громкий звон заглушил гудение двери, отрезающей путь к отступлению. Был только один способ выбраться отсюда живым – победить робота.

Как и сам Аргеной, его двойник предпочитал играть в нападении, поэтому битва выглядела устрашающе. Здесь не было ни секунды передышки, звон стали сливался в один какой-то невероятный по долготе звук. Лезвия двигались так быстро, что казалось, будто у каждого по несколько оружий.

Аргеной знал свое слабое место, которое он ликвидировал все те же тридцать лет назад. Этот недостаток был напрямую связан с достоинством: Аргеной был слишком смел, до безумия. Хотя автомат и не копировал эмоций, он повторял стратегию. Улучив момент, Аргеной сделал вид, что споткнулся, и автомат бросился на него. Упав на спину, Аргеной выбросил вверх руку с тесаком, и лезвие ударило в грудь лже-Аргеноя. Меч не успел коснуться плоти – так же, как и тридцать лет назад, когда Аргеной понял, что нельзя вкладывать все в один удар и вырос как боец еще сильнее, хотя ему и так не было равных.

Казалось, блеск искусственных глаз потускнел. Робот замер на несколько секунд, дав победителю насладиться своим триумфом, после чего убрал меч в ножны и вернулся на свое место посреди зала. Аргеной перевел дыхание. Самое сложное позади, а заветная цель так близка...

Следующая дверь затребовала сканирование сетчатки глаза и пароль. Пароль состоял из произвольных цифр – Аргеной не собирался ни в чем облегчать жизнь возможным взломщикам. Наконец, и эта дверь плавно отъехала в сторону. Аргеной шагнул внутрь и оказался в маленькой лаборатории, которая освещалась зеленоватым светом ламп.

– Здравствуй, Летос, – тихо сказал Аргеной, подходя к столу.

Казалось, будто на столе лежит труп или скорее мумия, но эту иллюзию разрушали глаза. Зеленые, они жили на иссушенном, окаменевшем лице человека, пристегнутого к столу ремнями, металась из стороны в сторону, будто не в силах сосредоточиться на одном объекте.

– Пить, – прохрипел человек.

– Конечно, Летос, о чем разговор!

Аргеной поднял руку, схватил одну из множества висящих под потолком трубок и, вытянув ее, помог несчастному вцепиться в нее зубами. Летос принялся сосать, и по трубке потек питательный раствор. Еще одна разработка узоргов: жидкость, утоляющая жажду и голод, на сто процентов усваиваемая организмом.

Аргеной подождал, пока Летос напьется, и вернул трубку на место.

– Извини, я задержался в этот раз, – сказал он человеку, который теперь лежал, закрыв глаза, и тяжело дышал. – Но ты ведь не думал, что я про тебя забыл, да, Летос?

Летос открыл глаза и посмотрел на Аргеною долгим, тяжелым взглядом.

– Что? Еще чего-нибудь? Может, женщину? – Аргеной наклонился ближе. – Если хочешь, я устрою, только скажи.

– Смерти, – шепнул Летос.

Аргеной с улыбкой потрепал его по щеке.

– Брось, Летос! Ты еще меня переживешь, проныра зеленоглазый. Хотя, наверное, скоро что-то изменится, – посерьезнел Аргеной. – Мы уже в двух шагах от того, чтобы стать счастливыми наземниками. Когда это произойдет, я, верно, оставлю тебя здесь подышать – не тащить же с собой. Если будет время, так уж и быть, зайду отрубить тебе голову. Но обещать ничего не могу.

Летос засмеялся, и от этого звука по коже Аргеноя побежали мурашки. Он с трудом удержался от того, чтобы не повысить голос.

– Что тебя насмешило, Летос?

– Ты! – каркнул в ответ пленник. – Что, нашел очередных идиотов, которые согласились делить с тобой планету? Мы же оба знаем, чем все закончится. Гинопос утопит свою мечту в крови, как обычно.

– Ошибаешься, – возразил Аргеной. – Теперь все будет прекрасно.

– Прекрасной была идея объединения с узоргами. Во что все превратилось? Ты сосешь мою кровь, будто мальчишка, ворующий пенсию у бабушки. Только так вы видите взаимодействие: берете все, но ничего не даете взамен. Помани мое слово: скоро ты вновь отправишь свой флот в другую галактику. И снова будешь приходить сюда, будешь врать сам себе, что делаешь это, чтобы заботиться о своих людях, хотя истинная причина куда банальнее: ты боишься смерти.

Летос замолчал, тяжело дыша, утомленный своей речью. Аргеной покачал головой.

– Не знаю, зачем я постоянно вступаю с тобой в разговор.

– Может, потому что я один говорю тебе правду. Бери то, зачем пришел, и убирайся.

– Одно могу точно сказать – ты единственный, кто может говорить со мной так и при этом остаться в живых.

Летос не ответил. Он не дрогнул, когда игла воткнулась ему в предплечье. Аргеной набрал крови в шприц, посмотрел на неё, черную при таком освещении, и закатал рукав.

– За нас с тобой, Летос, – сказал он, прежде чем опустить поршень. – Пусть только смерть разлучит нас.

Аргеной обожал это ощущение. Как будто разом исчезли последние тридцать лет. Не стало боли в спине, страха, усталости и нехороших мыслей. Тело наполнилось силой, мысли бежали, словно звонкий весенний ручеек, и весь мир будто бы стал проще.

– До встречи, старик, – сказал Аргеной, хлопнув Летоса по груди. – Надеюсь, больше не увидимся. Держи за меня пальцы крестиком!

Хохоча над своей шуткой, Аргеной вышел из лаборатории и закрыл дверь. В коридоре 4Д было пусто, как и во всем блоке. Аргеной шел, насвистывая грозную и величественную мелодию марша Гинопоса, как вдруг браслет на его руке завибрировал – вызывал Сонлер.

– Что там? – нахмурился Аргеной. Он не забыл о странной осведомленности своего секретаря и теперь хотел бы разобраться с этим. Но слова Сонлера заставили его забыть о личных делах, по крайней мере, на время.

– Только что звонил генеральный секретарь Триумvirата Ремил Ланс, – доложил Сонлер. – Хочет срочно переговорить с вами, вроде что-то стронулось.

– Скоро буду.

Аргеной прервал связь и ускорил шаги. В голове колотилась мысль: «Началось!» Но почему-то эта мысль несла с собой столько же страха, сколько радости.

Глава 13

В церкви было темно и пусто в столь ранний час. Лейст притворил за собой старомодную тяжелую дверь, миновал ряды скамеек, обтянутых чем-то вроде черного дерматина, и остановился возле кабинки для исповеди. Первоначальная решимость, которая выгнала его из дома ни свет ни заря, начала таять.

«Глупо ведь, – подумал Лейст. – Тоже мне, христианин нашелся».

Он вздохнул, и этот звук эхом разнесся по залу. Ни звука в ответ, никто не вышел к Лейсту, будто сам Бог от него отвернулся. Хотя, наверное, так и должно было быть. Лейст вспомнил, как лет десять назад в Триумвирате приняли закон «О религии». Согласно этому закону всякие сношения церкви и государства прекращались. Отныне священнослужители не имели права агитировать в пользу своей религии, и церковь из социальной силы превратилась в заведение «на любителя».

Были, конечно, протесты, отлучения членов правительства от церкви, но без результатов. Только что возглавивший Триумвират молодой и амбициозный Ремил Ланс провел реформу железной рукой. По сути, он просто перекрыл церкви трубу бюджета и уничтожил все ее имущества. Бюрократические барьеры стояли теперь на каждом шагу церкви.

Потом свершилось чудо. Пропавшая из СМИ, лишенная государственных вливаний церковь оказалась никому не нужна. Самые преданные прихожане развернулись и ушли, впервые увидев на дверях храма надпись «Платный вход». Но даже когда церковь смирилась с новым положением и отменила столь наглые поборы, вернулись единицы.

Вспомнив об этом, Лейст подумал, что вполне может быть, что в этой церкви никого нет в принципе. Никто ведь теперь не платит священникам, так что святой отец может днем быть на работе.

Пересилив себя, Лейст вошел в полумрак исповедальни. Смешно ли, глупо ли, но больше идти ему некуда. Даже если нет священника, Бог ведь должен быть, его пока не запрещали.

Кабинка была тесной – места едва хватало, чтобы повернуться. На секунду всколыхнувшийся инстинкт бойца обдал сердце тревогой: очень уж исповедальня смахивала на ловушку. Лейст быстро подавил этот порыв, больше похожий на приступ клаустрофобии, чем на реальный сигнал опасности. Забранное частой сеткой окошко, через которое предполагалось говорить со священником, обнаружилось внизу. Лейст опустил на колени и как раз оказался напротив него. Значит, правильно догадался.

– Ну и? – поинтересовался Лейст. – Как там дальше?

Никто не ответил. Лейст вздохнул и закрыл глаза, собираясь с мыслями.

– Меня зовут Виан Лейст, мне тридцать пять лет. Служил в десанте, год назад оттуда ушел. Постоянной работы нет, семьи нет... Господи, да что я несу? Ты и сам все это знаешь. Вообще все знаешь. Что я тебе могу рассказать?

Лейст потер пальцами виски и в этот момент услышал шаги. Кто-то шел по церкви и явно приближался к исповедальне. Лейст сразу представил себе вчерашнюю толпу разъяренных соседей. Почему нет? Выследили его, а сейчас подопрут дверь и подожгут кабинку. Может, это и есть ответ бога?

Скрипнула дверь. Неяркий свет пробился сквозь сетку и снова померк – кто-то вошел туда, где должен быть священник. Некоторое время с той стороны доносилось кряхтение и шорох одежды – наверное, святой отец устраивался поудобнее. Чуткое ухо Лейста уловило даже произнесенное шепотом бранное слово, но, скорее всего, ему просто показалось. Наконец, все стихло и вкрадчивый мягкий голос произнес:

– Прошу прощения за задержку – я принимал кагор, когда вы пришли, и сразу не заметил. Если бы не этот пейджер, сидеть бы вам тут долго... впрочем, начнем. Вы мальчик или девочка? Как к вам обращаться?

– Лейст. Виан Лейст, – машинально представился Лейст. – Это что, пахнет вином?

– Да ну, какое вино! Разбилась бутылка кагора, вот и все. На все воля божья, знаете ли. Итак, Виан Лейст, когда ты в последний раз исповедовался?

– Примерно никогда, – признался Лейст. – Надеюсь, вы подскажете, что делать?

Священник вздохнул и, судя по звуку, почесал голову.

– Расскажи мне о своих грехах, Виан, – попросил он. – Желательно – о самых отвратительных.

Лейст убедил себя не обращать внимания на похотливые интонации в голосе священника и заговорил:

– Я много грешил в жизни. Но сейчас, наверное, надо говорить об одном, самом главном грехе. Я убил человека.

В следующую секунду он вздрогнул – со стороны священника послышался звук падения почти полной стеклянной бутылки, и запах вина усилился. Священник, что-то бормоча, пытался принять меры.

– Вы материтесь, святой отец?

– Что? А, нет, я возношу молитву праматери всего сущего, тебе показалось.

– Разве это не католический храм?

– Разве я тут исповедуюсь? – огрызнулся священник.

Лейст помолчал. Все выходило как-то не так. Впрочем, если вся жизнь шла наперекосяк, то почему сейчас что-то должно перемениться?

– Кажется, вы боитесь, святой отец...

– Да ну, брось, с чего бы мне бояться? – истерически хихикнул священник.

– Я не опасен для вас. Понимаете, я убил узорга, женщину.

– Узорга? – переспросил священник. – Ну да, ты прав, теперь я совершенно не боюсь.

Иди себе с миром, отныне ты безгрешен.

Лейст посидел в тишине, думая над услышанным.

– Кажется, я понял, что вы хотите сказать, – произнес он.

– Сомневаюсь, – отозвался священник.

– Я и сам это осознаю теперь. Нельзя убивать невинных людей, как бы ни относилась к ним власть.

– Это точно, власть бога превыше, а он заповедовал любить ближнего своего, – подхватил священник. – Ну и про «Не убий» тоже было. Читал?

– Нет, – признался Лейст.

– Ну, так... за что же ты убил эту женщину? – вернулся к делу священник.

– Из-за денег. Мои бывшие друзья-сослуживцы позвали меня, потому что мне уже приходилось убивать на службе...

– Да что ты будешь делать, – проворчал священник. – А сколько всего на тебе трупов?

– Всего два. Хотя эту девочку я тоже отношу на свой счет. Если бы не я...

– Достаточно! – оборвал его священник. – Давай к делу, чего ты хочешь от меня? Зачем пришел?

Лейст не ожидал такой резкости от священника и смешался.

– Я пытался покончить с собой...

– Тут я тебе точно не помощник.

– Я ищу искупления! – Лейст повысил голос. – Понимаете, святой отец? Я не хочу умирать вот так, с этим грузом на душе.

– Искупления? – переспросил священник.

- Да.
- Хм... где, говоришь, ты служил?
- Космический десант.
- Умеешь управлять кораблем?
- Пилот первого класса, но при чем тут...

Сетка отодвинулась, и Лейст увидел лицо священника. Круглое, может даже забавное в своем напряжении. Но глаза... глаза были зелеными и светились в темноте.

– Если хочешь искупить вину, – проговорил священник, – помоги мне выбраться с этой планеты!

Глава 14

Стук в дверь раздался поздно вечером. Лейст открыл, не спрашивая: с теми, кто стучит в дверь, он справился бы без труда, а те, с кем ему не совладать, не утруждали бы себя стуком. В пришедшем Лейст не без удивления узнал майора Реввера, который отпустил их тогда, после убийства.

– Есть минутка? – спросил майор.

Лейст оглянулся, пожал плечами и вышел, притворив за собой дверь.

– Если не возражаете, поговорим на веранде, – сказал он. – Дома жуткий беспорядок, да и выпить предложить нечего: спиртное закончилось еще вчера, а ничего другого там уж год как не было.

– Мне все равно, – развел руками майор. – Я лишь хотел узнать, собираетесь ли вы подавать заявление.

– Заявление? – удивился Лейст.

– Да, – сказал Реввер, сунув руку за пазуху. – Вчера вечером камеры зафиксировали попытку массового избиения. К счастью, вам удалось отбиться и даже не превысить пределов допустимой самообороны. Тем не менее, долг полиции в таких случаях – известить несостоявшуюся жертву в том, что она имеет право подать заявление на нападавших. В зависимости от решения суда, все они понесут то или иное заслуженное наказание, к тому же гарантированно выплатят вам компенсацию морального...

– Нет, – перебил его Лейст. – Никаких заявлений, никаких претензий.

Полицейский вынул руку из-под кителя, и Лейст с облегчением увидел в ней электронную сигарету. Но был миг, когда его чутье заходило в безмолвном крике. Реввер был опасен.

Сделав несколько затяжек, майор смерил Лейста взглядом и сказал:

– Достойно. Честно сказать, я ждал другого ответа. Впрочем, на этой работе я привык удивляться. Подпишите отказ, если не сложно.

Лейст поставил подпись на протянутом ему листе бумаги, даже не прочитав содержимого. Реввер тут же спрятал листок во внутренний карман.

– Если это все, то...

– Теперь о главном. – Тон Реввера переменялся, стал более жестким. – Из соображений вашей же безопасности вам будет лучше покинуть город. В идеале – планету. Чем скорее, тем лучше, иначе подобные происшествия будут повторяться. Возможно даже в таких местах, где нет камер наблюдения.

Лейст смотрел в глаза полицейскому и чувствовал, как злость закипает у него в сердце.

– Это ведь вы пустили слухи обо мне, так?

Реввер сделал еще одну затяжку и спрятал сигарету во внутренний карман. Снова его рука задержалась там гораздо дольше необходимого.

– Ты обвиняешь меня в нарушении должностных инструкций, Лейст? – спросил майор.

– Я задал вопрос.

– Не нужно задавать таких вопросов, Лейст. Их можно неправильно понять. Улетай с планеты и старайся не нарушать закон.

Лейст усмехнулся и развел руками:

– А мне не на что улететь. Всех моих сбережений не хватит даже на маршрутку.

Реввер, который почти сошел с веранды, остановился и повернулся к Лейсту.

– Думаешь, я не знаю, сколько платит Гинопос за головы? Ты бы не смог так быстро столько пропить.

– Я не брал этих денег.

Реввер моргнул от неожиданности и жестом попросил повторить.

– Я не взял денег! – заговорил Лейст громче. – Вся сумма у тех двоих, Фарида и Мазура. А все, что было у меня, я отнес той девочке. Только опоздал. Я сунул деньги в почтовый ящик и... Нет, я за ними не вернусь! Если мне суждено здесь сдохнуть – я сдохну, но туда я не вернусь, майор.

Лейст замолчал, тяжело дыша, и смахнул невзначай набежавшую слезу. Реввер вернулся на прежнее место и уставился в глаза Лейсту.

– Хочешь сказать, девочку ты не трогал?

Только сейчас Лейст осознал, как все это выглядело для Реввера. Ведь именно он тогда умолял полицейских дать ему адрес девочки, а потом вдруг нашелся ее обезглавленный труп. Какой же мразью он должен был выглядеть в глазах майора.

– Я бы скорее их убил, – тихо сказал Лейст. – Если бы там был.

Реввер смотрел на него не меньше минуты, словно размышляя о чем-то.

– Она не мучилась, – сказал он наконец. – Ее подстрелили такой же пулей, как тебя. Скорее всего, она даже испугаться не успела.

Когда Лейст поднял на него взгляд, Реввер добавил:

– Подумал, тебе будет важно это знать. Придурок.

В этот миг Лейсту стало легче. Слово «придурок», которое майор произнес тихо, как бы сам себе, наполнило его сердце странной радостью. Это было первое осторожное осуждение его действий со стороны власти.

Лейст кивнул, выразив этим жестом все, что сейчас чувствовал. Реввер снова запустил руку за пазуху и вытащил оттуда увесистый предмет, в форме длинного цилиндра.

– Знаешь, что это? – спросил он, подбрасывая предмет на ладони.

– Конечно, – пожал плечами Лейст. – Аварийный электроключ.

– Это то, что остановило бы твое сердце, рискни ты написать заявление, – отозвался Реввер. – Есть умельцы, которые немного модифицируют эти ключи, увеличивают силу тока, снимают ограничители.

Реввер направил электроключ в сторону и нажал на кнопку. Будто синяя молния с треском ударила в землю. Лейст вздрогнул: не зря его чутье вопило об опасности.

– Потом я бы всем показал обычный шокер и сказал, что применил его в рамках самообороны. Кто ж виноват, что у тебя оказалось слабое сердце. Держи.

Лейст поймал ключ и удивился его весу. Умельцы явно заменили стандартную батарею.

– Тебе все равно не стоит здесь оставаться, – продолжал Реввер. – Найди уж какой-нибудь выход.

– Что...

– Извини, нет времени болтать, – покачал головой майор. – Завтра в полдень прилетают двое гинопосцев на легком корабле с нулевой защитой. Мне придется оказать им некоторую любезность – приказ сверху. Пойми меня правильно, Лейст. – Майор подмигнул. – Каждый может оступиться, вопрос лишь в том, знаешь ли ты, какой путь верный. Докажи, что знаешь, и однажды я о тебе вспомню.

Он ушел, на этот раз – не оборачиваясь. Лейст проводил его взглядом. В голове будто мина рванула: он не мог поверить в то, что сейчас услышал от майора. Может, конечно, это всего лишь домыслы, но... Зачем же тогда этот ключ? Держа его в руке, Лейст вошел в дом.

Если бы не сутана, вряд ли кто-нибудь смог бы опознать в развалившемся на диване человеке священника. Он был безобразно пьян и не выпускал из рук бутылку с кагором. Рядом с диваном стоял еще целый ящик таких же бутылок.

– Кто приходил? – спросил священник, тщетно пытаясь сфокусировать взгляд на Лейсте. Несмотря на то, что он, казалось, с трудом осознавал, где находится, сейчас его лицо выражало чрезвычайную серьезность.

Лейст посмотрел на модифицированный ключ, который все еще держал в руке, и положил его на столик.

– Никто, – сказал он. – Чего вы так боитесь, святой отец?

– С чего ты решил, что я боюсь? – пробубнил священник, прежде чем снова прильнуть к бутылке.

Лейст не дал ему вдоволь насладиться вином, отобрав бутылку. Когда послышалось протестующее мычание, он сказал:

– Я пытаюсь быть с вами вежливым, святой отец. Вы проситесь ко мне домой – ладно, просите помочь донести ящик с вином – пожалуйста. Но мне не нравится то, что вы весь день сидите тут и молча пьете.

– Ты же хотел искупления – вот оно, – буркнул узорг, достав еще одну бутылку из ящика.

– Кажется, вы хотели покинуть планету.

– Кажется, ты сказал, что беден, как церковная мышь. Мыши не летают.

– Если только это не летучие мыши.

Священник посмотрел на Лейста долгим взглядом.

– В смысле? – спросил он. – Говори проще, я слишком пьян.

Лейст отобрал у него очередную бутылку, хлебнул из горлышка и поморщился от сладкого привкуса. Рецепторы привыкли к более крепким напиткам.

– Допустим, я могу вытащить тебя отсюда. Но я должен знать, ради чего это делаю.

Священник только усмехнулся. Рука дернулась в направлении ящика, но замера и безвольно повисла.

– Неужели простого искупления недостаточно? Что ж, ладно. Увези меня на «Ковчег» и получишь денег. Много, сколько захочешь.

Лейст покачал головой.

– Это звучит как искушение от дьявола, а не как слова священника.

– Не хочешь денег? Ладно. Как насчет головы принцессы Иджави? Это я смогу устроить. Ее голова даст тебе не только деньги, но и почетное звание капитана Гинопоса. Ты станешь героем, Лейст!

– Вы бредите? – поморщился Лейст. – Я пришел к вам, потому что убил человека, а вы...

– Если эта сука сдохнет, возможно, больше ни один узорг не погибнет! – перебил его священник. Его лицо покраснелось, не то от алкоголя, не то от обилия эмоций.

– Я уже жалею, что привел вас к себе домой.

Священник встал. Он даже не шатался, будто мгновенно протрезвел. Зеленые глаза пылали в сгущающихся сумерках, будто две далеких звезды.

– А чего же ты хотел, грешник? – прошипел он. – Какого ты ждал искупления? Десять «Отче наш», пятнадцать «Аве Мария», и все, чист пред богом и людьми? Вот тебе! – священник сунул под нос Лейсту средний палец. – Ты сам признал себя грешником, сам пришел в церковь, сам просил об искуплении. Но убитых ты не вернешь, убив себя – ничего не изменишь. Никто уже не выйдет с чистыми руками, даже тот, кто просто смотрит новости – уже убийца. А ты шагнул дальше и сам ужаснулся этому. Так чего же ты от меня хочешь, Лейст? Хочешь искупления? Иди со мной, убей Иджави и поднеси Аргеною её голову. Когда ты увидишь результат своих деяний, ты поймешь, что искупил свой грех. Ну? Ты со мной или как? Если нет, то верни бутылку и оставь меня в покое. У меня завтра трудный день: пытки, издевательства, возможно, даже смерть.

Глаза священника слепили, и Лейст отвел взгляд. Время шло. Тишина нарушалась только тяжелым дыханием священника.

Лейст положил в ящик две початые бутылки, поднял его и отнес в другой угол комнаты. Узорг молча следил за его перемещениями.

– Ложитесь спать, святой отец, – посоветовал Лейст. – Завтра трудный день.

Глава 15

Фенир с недовольным выражением лица смотрел на управляющего посадкой Ирцарио. Через смотровые стекла было видно, что вокруг корабля бушует пламя, но внутрь не проникало ни звука.

– Не надо на меня так смотреть, – сказал Ирцарио, даже не обернувшись. – Я не оставлю корабль без присмотра.

– Я, конечно, понимаю, что ты старше меня по званию, – сказал Фенир, – но все-таки, мы же с детства друг друга знаем. Можно бы хоть жребий бросить.

– Слушай, в чем проблема? – Ирцарио, доверив посадку автопилоту, повернулся к Фениру. – Я беру на себя самую опасную часть работы, а ты...

– Ты будешь ходить ногами по земле! – воскликнул Фенир. – Будешь вдыхать запах цветущих растений, подставлять лицо ветру, заходить в магазины, клубы. А я? Буду торчать в этом чертовом ангаре, сторожить корабль. Вот уж спасибо!

Ирцарио не подал виду, что его задело слова Фенира, хотя на душе сделалось неприятно.

– Сосредоточься на том, что скоро мы поселимся здесь навсегда. Навсегда, Фенир! Купим домики по соседству, будем вечерами ходить друг к другу в гости...

– Вот уж нет, – поморщился Фенир. – Мне твоя рожа и так в кошмарах снится, еще и на земле тебя терпеть!

Ирцарио рассмеялся и хлопнул друга по плечу.

– Другое дело, лейтенант! Ладно, я пойду переоденусь. Поскорее бы уж взять этого ублюдка...

Фенир подождал, пока Ирцарио уйдет подальше и проворчал:

– За корабль он беспокоится, ага. Если б не эта девка, пошли бы вместе, как всегда, я гарантирую! А сам оставаться не хочет, потому что тогда вообще очевидно будет.

Фенир в сердцах стукнул по подлокотнику и перевел взгляд на стекло. Пламя уже погасло, корабль планировал, почти не используя двигатели. Синее небо казалось Фениру густым, плотным, будто мороженое. Его хотелось есть ложкой. Далеко впереди виднелся лес, озеро, маленькие домики.

– Неужели мы правда будем так жить? – прошептал Фенир, не замечая текущих из глаз слез. – Не верю, не верю...

Прежде чем войти в свою каюту, Ирцарио постоял перед дверью, прислушиваясь к исходящему внутри. Ни звука, только будто бы легкое дыхание. Ирцарио вздохнул.

Он нажал на открывающую дверь кнопку и сделал шаг назад. Вовремя: лишь только дверь отъехала в сторону, на пол обрушился металлический стул. Грохот сопровождался яростным криком. Ирцарио молча смотрел на девушку, которая, вложив в удар все силы, упала на колени.

– Дыхание, – сказал Ирцарио, как ни в чем не бывало. – В дверь вмонтировано переговорное устройство, которое активируется, когда с обеих сторон стоят люди.

– Тварь, – прошипела девушка. – Все предусмотрели...

– Вообще-то это стандартная функция во всех кораблях. – Ирцарио прошел в каюту, отбросив ногой погнувшийся стул, и принялся раздеваться. – Извини, что пришлось тебе об этом рассказать, но ты уже в третий раз пытаешься убить меня так. На этом стуле уже невозможно сидеть.

Елари стояла, сложив руки на груди, напоминая какую-то древнюю богиню. Зеленые глаза следили за действиями Ирцарио.

– Ты что задумал? – сказала она. – Даже не пытайся...

– Я просто переодеваюсь, – перебил Ирцарио. – Это все же моя каюта. Можно было бы попросить тебя выйти, но если ты решишь наброситься со стулом на Фенира, то он тебя просто убьет. Мне бы этого не хотелось.

Елари отвела взгляд. По тому, как порозовели ее щеки, Ирцарио заключил, что его слова были услышаны.

– Зачем ты меня держишь? – спросила Елари.

– Ты бы предпочла отправиться на Гинопос для показательной казни?

– Я бы предпочла никогда тебя не встречать! – вскинулась девушка. – Вопрос был не обо мне, а о тебе. Зачем ты меня держишь? Кто я тебе?

Ирцарио возился с ремнем джинсов. На самом деле этот процесс не требовал столько времени, но Ирцарио сделал вид, что полностью им увлечен. Елари ждала, не сводя с него глаз.

– Гинопос и узорги не всегда были врагами, – сказал он наконец.

– Да что ты говоришь? – всплеснула руками Елари. – Расскажи подробнее! Они случайно не пытались вместе обустроить какую-нибудь необитаемую планету без фиксированной орбиты?

– Перестань, – поморщился Ирцарио.

– Давай, рассказывай! – Елари не унималась. – Расскажи о том, как доблестные гинопосцы отобрали себе лучшие места, о том, как безнаказанно насиловали женщин-узоргов...

– Елари...

– Как узорги стали настоящими рабами гинопосцев, бесправными и безгласными! Расскажи мне, идиотке, как узорги улетели оттуда, когда Аргеной решил реформировать нашу структуру власти! И о том, как вы, кретины безрукие, не смогли даже поддерживать работу реакторов и поморозили уйму своих же...

– Елари, мне было тогда три года. Да и тебе явно не больше.

Они стояли лицом друг к другу. Ирцарио, выглядевший без формы самым обыкновенным городским парнем, и Елари – в своем измятом платье, которое она не снимала даже ночью. В глазах девушки пылала ярость, на которую Ирцарио отвечал едва заметной улыбкой.

Корабль тряхнуло. Ирцарио взглянул на браслет, уточнив время, и нахмурился.

– Мне пора идти, – сказал он. – Не уверен, что сам себя сейчас понимаю, но... ты мне нужна. Я не могу тебя отпустить.

– Увезешь меня на Гинопос ипустишь по кругу? – фыркнула девушка. – Лучше убей сейчас.

Глаза Ирцарио вспыхнули, и в следующий миг он держал у горла Елари кинжал.

– Оцени еще раз свои шансы со стулом, – сквозь зубы произнес он. – Хочешь умереть?

– Ты этого даже в третий раз не понял? – спросила Елари. Она не дрогнула, даже не моргнула.

Ирцарио отступил на шаг, склонив голову.

– Я до такой степени тебе противен?

Елари ответила не сразу. Мысленно ругая себя последними словами, она сказала правду:

– Не до такой. Но ничего, кроме смерти, ты мне принести не сможешь. Пусть она хотя бы будет быстрой и не унижительной.

Ирцарио тоже помедлил с ответом. Он подошел к столу и положил на него свой кинжал.

– Я куплю тебе на Иргиле цветные контактные линзы. Не панацея, конечно, но хоть что-то. Я возьму Хирта, и скоро все закончится. Мы не обязаны будем жить на Гинопосе.

– «Все закончится», – повторила Елари. – Как легко ты говоришь о гибели моего народа...

Ирцарио ничего на это не ответил. Накинув длинный плащ, под которым тесак был не так заметен, он вышел из каюты.

– Я не буду блокировать дверь, – сказал он, не оборачиваясь. – Кинжал оставляю тебе. Можешь делать с ним все, что захочешь. Хочешь – убей себя. Хочешь – беги. Хочешь, дождись меня и попробуй напасть еще раз – обещаю, тогда я убью тебя.

– С чего бы это? – нахмурилась Елари. – Отпускаешь?

– Я хочу доверять тебе, – ответил гинопосец.

Когда он ушел, Елари села на кровать в глубокой задумчивости. Голова шла кругом. Взгляд девушки упал на кинжал, и щеки ее порозовели.

– Что же мне делать? – шепнула она, теребя прядь темно-каштановых волос, вечно свисающую на лоб.

Глава 16

Фенир не позволил диспетчерам Иргила взять на себя управление кораблем дистанционно и, выяснив номер ангара, закатил машину туда. Лишь только двери ангара закрылись, по корпусу корабля ударили струи антирадиационной пены. Фенир смотрел на залепленное пеной стекло, барабанил пальцами по подлокотнику кресла.

– Ждешь, пока девчонки в купальниках начнут натирать корпус? – осведомился вошедший в рубку Ирцарио.

Фенир поморщился, давая понять, что не в настроении шутить.

– Ладно тебе, не дуйся! – Ирцарио стукнул его по плечу. – Я быстро. Если она соберется уйти – пусть идет.

Фенир посмотрел на друга широко раскрытыми глазами.

– Я думал, Аргеной...

– С Аргеном я решу все сам. Ты, главное, не болтай.

– Опять обижаешь...

– Ну прости, прости! – засмеялся Ирцарио. – Купить тебе чего-нибудь?

Фенир на секунду задумался, а потом просиял:

– Возьми леденцов «Байзер».

– Чего? Леденцы? – скривился Ирцарио. – Где я буду их искать?

– Да их везде продают! Я пробовал на Вагране – с кофейным вкусом, с ягодным. Самые популярные леденцы в галактике.

Ирцарио вздохнул и покачал головой.

Лишь только закончилась помывка, Ирцарио вышел из корабля. В ангаре было сыро и душно, клочья пены свисали с корабля. Ирцарио направился к двери со светящейся в полумраке надписью «Таможенный контроль».

Бесконечные занудно пищание сканеры и автоматы, требующие документы, задержали Ирцарио минут на десять. Несколько раз он оглядывался, но за ним никто не шел. Ему было немного неудобно за свою ложь: Елари не прошла бы дальше первого автомата, захоти она сбежать. С другой стороны, узорги всегда славились тем, что находили выход из любых ситуаций. И потом, всегда оставался кинжал.

Наконец, чередой автоматических проверок закончилась. Перед Ирцарио открылась последняя дверь, и он оказался в зале регистрации. Посреди пустого зала стоял, сложив руки на груди, человек в полицейской форме. Ирцарио предположил, что это и есть тот самый майор Реввер, о котором предупреждал Аргеной. Ирцарио кивнул ему и, получив кивок в ответ, двинулся к нему. Но дорогу вдруг перегородили два охранника в бронежилетах и с автоматами. Ирцарио закатил глаза.

– Искреннее извиняемся, уважаемый, – сказал один, жуя жвачку. – Сканеры показали наличие у вас холодного оружия.

Судя по их лицам, можно было подумать, что они выиграли в лотерею. Ирцарио посмотрел в глаза одному, другому и пожал плечами:

– И что?

Охранники переглянулись, словно бы невзначай приподнимая стволы автоматов.

– Что у вас под плащом? – спросил второй.

– Холодное оружие типа «тесак», – отрапортовал Ирцарио. – Что дальше? Мне показать, как он работает?

Теперь два ствола смотрели прямо ему в грудь. Ирцарио чуть не плакал: охранники были до такой степени тупые и медлительные, что он, при желании, успел бы убить их восемнадцатью различными способами.

– Этот человек вне вашей юрисдикции, – сказал, подходя, майор Реввер. – Вот соответствующие документы. Любая попытка причинить ему вред приравнивается к объявлению войны Гинопосу.

Пока стражи изучали бумаги, Ирцарио внимательно посмотрел на Реввера. Тот спокойно встретил его взгляд.

– Простите за задержку, – сказал охранник, протянув документы Ирцарио.

Когда они ушли, переговариваясь, видимо, о том, как каждый из них смог бы взгреть этого гинопосского выскочку, если бы не чертовы законы, Ирцарио спрятал документы во внутренний карман и обратился к Ревверу:

– Обязательно было ждать до конца? Еще секунда, и мне пришлось бы их обезвредить.

– Обязательно было брать с собой оружие? – отозвался Реввер.

Ирцарио промолчал. Было похоже, что этот разговор ничего, кроме раздражения, не принесет.

– Снаружи ждет машина, – сказал Реввер. – Пойдемте, я отвезу вас, куда скажете.

Они направились к выходу, и больше никто не чинил препятствий.

Резкий порыв ветра ударил Ирцарио в лицо, и он закашлялся. Так всегда бывало, после долгих путешествий. Синтезированный безвкусный воздух космических кораблей не шел ни в какое сравнение с настоящим, несущим с собой миллионы различных запахов.

Ирцарио потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя. Он осмотрелся. На летном поле было пустынно: в этот затрапезный городишко никто не стремился. Лишь в паре десятков метров от пункта регистрации стояла толпа с транспарантами.

– Нам точно туда? – нахмурился Ирцарио, увидев, что майор идет к толпе.

– Они окружили мою машину, – отозвался Реввер. – Выясним, чего хотят.

Ирцарио знал, чего они хотят. На каждой планете их встречали такие толпы, даже содержание плакатов он знал наизусть: «Узорги – тоже люди», «Остановите убийства» и прочее. Эти люди почему-то не могли понять простой вещи: ни один гинопосец не отступит перед ними, потому что в этом случае, по возвращении, его ждет смерть, либо кастрация. Ирцарио не знал никого, кто пожертвовал бы ради узоргов хотя бы одним яичком.

– Это убийство! – взвизгнула женщина из толпы, когда Реввер с Ирцарио приблизились. – Бог сказал....

– Где же он сам? – перебил ее Ирцарио.

Щеки женщины запылали, но современная религия знала ответы на такие вопросы:

– За гранью Вселенной! Там, куда все мы отправимся после смерти.

– Правда? – Ирцарио засмеялся – ему действительно было смешно. – А я был там. Знаешь, что? Никакого бога, даже ни намек на то.

– Ересь! – крикнул кто-то из толпы. Толпа загудела.

– Может и так, – пожал плечами Ирцарио. – Да вот только пушки с антиматерией били вхолостую. Антипротонам не с чем было реагировать. Мы шли за пределами Вселенной десять тысяч световых лет и не встретили ничего. Так что если с вами говорит Бог – я вам сочувствую.

Это был пустой треп, Ирцарио всего лишь пытался выиграть время, посмотреть каждому в глаза. Отвернулся только один человек – девушка, стоящая дальше всех. «Повезло», – подумал Ирцарио и отбросил полу плаща. Толпа шарахнулась, увидев тесак. Несколько взглядов обратились к Ревверу, и это не укрылось от внимания гинопосца.

– На что вы надеялись, придя сюда? – Вся шутливость пропала из голоса Ирцарио. – Думали запугать меня? Победить? – Он достал тесак, и люди расступились, бессильно повисли транспаранты. – Бегите, кто хочет жить!

Они побежали, бросив все. Ирцарио не мог их обвинять – если выражение лица хоть немного передавало его внутреннее состояние в этот миг, то это было выражение лица смерти.

Ирцарио подождал, пока беглецы рассыплются по полю и метнул тесак. Тяжелое оружие, не предназначенное для подобных действий, со свистом вспорол воздух и, настигнув девушку, снесло ей голову. Лезвие, упав, высекло искры из асфальта. Голова откатилась в сторону, а тело, брызгая кровью, пробежало еще несколько метров, прежде чем упасть.

– Вот ты и доигрался, – спокойно сказал Реввер.

Ирцарио улыбнулся. Даже не оглядываясь, он мог сказать, какого калибра пистолет держит Реввер в руке и в какую часть спины целится.

– Не делайте необдуманных действий, майор, – посоветовал Ирцарио. – Давайте подойдем к голове.

Он не стал дожидаться ответа и просто пошел, увлекая за собой майора, будто собаку на поводке.

– Зеленоглазых среди них не было! – крикнул Реввер. – Ты только что... ах, черт!

Они стояли над головой, глядящей в небо зелеными глазами.

– Линзы, – объяснил Ирцарио. – Вылетели от удара. Можете убрать пистолет, майор.

Реввер с видимой неохотой спрятал пистолет в кобуру и проворчал, глядя, как Ирцарио возится с пластификатором:

– И все равно, не обязательно устраивать такое на глазах у мирных жителей.

– Не обязательно и натравливать мирняк на гинопосцев, – возразил Ирцарио, вытирая тесак об одежду покойной. – Поедем. Я бы предпочел больше не задерживаться.

Когда они сели в машину, Реввер покосился на пластифицированную голову на коленях Ирцарио. Гинопосец в задумчивости барабанил по ней пальцами.

– Вопрос, – сказал Реввер. – Зачем тебе эта голова? Тебе же не нужно подтверждать убийство узорга.

– А? – встрепенулся Ирцарио. – А, ты об этом... Ну, вы же дарите своим женщинам цветы, так? У нас такая традиция.

– И ты серьезно подаришь женщине это?

– Нет, Реввер, – вздохнул Ирцарио. – Так я пытался вежливо сказать: «Не твоего ума дело, поехали к церкви святого Пилигрима».

Реввер молча вывел автомобиль через ворота и помчал к городу. Бросив взгляд в зеркало заднего вида, он заметил две фигуры, стоящие у ворот. Одна из них – в почти таком же плаще, как Ирцарио, а вторая, кажется, в рясе.

Глава 17

Священник в черных солнцезащитных очках стоял поодаль, пока Лейст отдавал дань уважения покойной. Он накрыл обезглавленное тело плащом и сидел рядом, думая о чем-то.

– Гинопосцы – славные ребята во всем, – сказал священник. – За исключением того, что они кровожадные мрази.

– Вы не прочтете молитву, или что там полагается в таких ситуациях? – спросил Лейст.

– Если бы молитвы могли воскрешать умерших... то мы бы имели дело с безголовым зомби. Сожрать – не сожрет, но нервы потреплет изрядно. Впрочем, если тебе от этого легче, – поймав выразительный взгляд Лейста, переменял тактику священник, – я попытаюсь. Во имя отца, сына и святого духа... покоя с миром, раба божья... как тебя там... да уж, жалко девочку. Молодая, у нее еще могли бы быть дети.

Лейст поднял на ноги. На нем теперь была только потертая джинсовая куртка, карман которой оттопыривался от подарка Реввера. Ни денег, ни вещей – ничего. Лейст с легким сердцем покидал этот мир.

– Ты мне так и не сказал, на чем мы улетим с Иргила, – заметил священник.

– Вам понравится, святой отец, – отозвался Лейст.

Он двинулся в обход космопорта, стараясь не попадать в поле зрения камер. Это была глупая мера предосторожности, и сам он это прекрасно понимал: чистым ему уже не остаться. Еще минут пять назад Лейст сомневался, пытался понять, ради чего он все это делает, но тот гинопосец расставил точки над «i».

Лейст впервые увидел гинопосца живьем, не через транслятор или телевизор. Его поразили белый цвет кожи этого человека, сравнимый с цветом свежеснежного снега. Вот как выглядят люди, родившиеся и выросшие в космосе, никогда не жившие под открытым небом. Говорили, что у них еще должна быть патологическая агорафобия, но Лейст не заметил, чтобы этот человек хоть немного нервничал.

Если уж на то пошло, то гинопосец вообще сильно озадачил Лейста. Патриотически настроенные СМИ старались выставить Гинопос сборищем палачей, корчащих из себя воинов. Теперь же было видно противоположное: гинопосцы были воинами, корчащими из себя палачей. В каждом движении прищельца сквозила уверенность профессионала. Как, например, он вычислил эту девушку? Лейст видел ее, когда она прошла мимо – у нее были карие глаза. Гинопосец же раскрыл ее мгновенно. Более того, он словно знал, что она там будет.

Но еще больше поразили Лейста способ убийства. Тесак не был предназначен для метания, да и вообще не существовало оружия, которое подразумевало бы подобное применение. Что же это? Неизвестная техника, или просто совершенное владение оружием? Лейст был готов поклясться, что второе. За долю секунды до того, как гинопосец метнул тесак, он опустил взгляд на свой плащ. Он просто не хотел бежать, путаясь в полах плаща, и потому поступил так.

– Вы имели дело с гинопосцами, святой отец? – спросил Лейст у шагающего вслед за ним священника.

– Я видел этого милого метателя ножей, когда он еще сосал сиську матери. Кстати, у нее были отменные...

– Они – хорошие бойцы?

– Ты что, смеешься? – Священник даже остановился. – Они – лучшие. Здесь их еще не знают, но в других галактиках «Гинопос» – это все равно что легионы преисподней, всадники апокалипсиса.

– В других галактиках? – заинтересовался Лейст. – Что вы имеете в виду?

– Виан, ты как вчера родился. Откуда, по-твоему, появились узорги? От сырости развелись? А Гинопос теперь откуда взялся?

Лейст промолчал. Почему-то столь очевидная мысль о внегалактическом происхождении узоргов осенила его только сейчас. А ведь говорили же об этом и в новостях... но Виан был тогда маленьким, и для него другая галактика мало чем отличалась от соседней планеты. Все равно ведь денег отца не хватило бы на полет даже к Ваграну.

Другие галактики были чем-то запредельным. Из школьных уроков истории Лейст знал, что вскоре после начала экспансии из галактики Млечного Пути человечество впало в эпоху раздоров и междоусобиц. Войны вспыхивали за каждую пригодную для жизни планету. Предкам Лейста посчастливилось зацепиться за эту микрогалактику, остальные пошли дальше. Это был путь в один конец, без возможности «ходить друг к другу в гости». Ближайшая галактика находилась в четырех тысячах световых лет от Триумвирата, а этот священник говорит «галактики» во множественном числе. Будто путь к далеким звездам не означал смену нескольких десятков поколений людей.

– Нам о многом придется поговорить, – заметил Лейст.

– С удовольствием займусь твоим образованием, но не раньше, чем мы отсюда улетим.

– Ты так и не сказал, куда мы полетим.

– Это потому что ты так и не сказал, на чем мы полетим.

В этот момент Лейст остановился. Место ничем не отличалось от остальных, если бы не высокое раскидистое дерево, растущее у самого забора.

– Умеете лазить по деревьям? – спросил Лейст.

– Это как сказать. На высоту пары-тройки метров, пожалуй, заберусь, но если ты хочешь таким образом вылезти на орбиту без скафандра, то я пас. У меня еще дети могут быть, в конце концов.

Лейст ухватился за ближайшую к земле ветку, подтянулся и сел. Священник, оглядевшись, довольно ловко повторил его маневр. Они взобрались на следующую толстую ветку, потом на еще одну.

– Вот, – тихо сказал Лейст.

На расстоянии вытянутой руки от них была крыша ангара, стоящего вплотную к забору.

– Технически мы все еще на Иргиле, – проворчал священник. – Так что извини, но грехи я тебе пока не отпущу.

Лейст будто и не слышал его. Он вдруг улыбнулся, вспоминая о чем-то далеком и прекрасном.

– В детстве у меня был друг, – сказал он. – Мы с ним часто бегали сюда, смотреть на корабли. Оба хотели стать пилотами, мечтали пробраться туда. Я посадил это дерево, специально выбрал быстрорастущий сорт. Чтобы когда-нибудь пробраться туда, посмотреть с крыши ангара на приземляющийся звездолет.

– Что-то мне подсказывает, что где-то здесь ваши с другом пути разошлись, – фыркнул священник.

– Да, – помрачнел Лейст. – Он нашел другой путь: выучился на пилота.

– Жаль, что не он зашел ко мне на исповедь, – вздохнул священник.

Лицо Лейста снова стало решительным. Он подобрался как можно ближе к забору и прыгнул. Приземлился так, что даже его инструктор не сказал бы ни слова упрека: тихо и аккуратно.

Обернувшись, Лейст махнул священнику рукой. Тот хотел что-то сказать, но Лейст прижал к губам указательный палец. Их и так скорее всего засекли сотрудники службы безопасности, но поднимать шум все же не стоило.

Священник долго готовился, бормотал что-то себе под нос, подбирал длинную рясу и, наконец, прыгнул.

– У нас от одной до пяти минут, пока не набегут охранники, – сказал Лейст. – Сейчас мы спустимся по лестнице, там, сбоку, и подойдем к воротам. Две створки, две ручки, которые

нужно повернуть одновременно. После того как ворота откроются, в диспетчерской на пульте загорится лампочка, и у нас пути назад не будет.

– Ты что, решил спереть гинопосский корабль? – чуть ли не взвизгнул священник.

– Других вариантов нет. Мы не можем открывать все подряд ангары. К тому же, мне показалось, что вы торопитесь.

– Если ты снова решил покончить с собой, то зачем меня в это втравил? Да что такого ужасного тебе сделали узорги?

Лейст вздрогнул от этих слов и едва заметно побледнел, но тон его почти не изменился:

– Это только кажется безумием, святой отец. Гинопосцы здесь не в чести, и полиция не станет, сбившись с ног, искать пропажу.

– Но «маячок»...

– Мы сразу полетим на Вагран, там у меня старый друг держит частную мастерскую. Он разберется с «маячком».

По лицу священника было видно, какая борьба происходит у него в голове.

– Время, – процедил сквозь зубы Лейст.

Священник махнул рукой:

– Черт с тобой, пошли!

Лейст еще раз осмотрелся, прежде чем начать спускаться. На поле было пусто. Даже тревожно немного сделалось от этой пустоты. Неужели все так просто?

Священник на удивление быстро спустился по лестнице, Лейст соскользнул следом. Ладони вспыхнули болью от давно забытых ощущений.

– Скорее, – шепнул он священнику.

Они подбежали к воротам. Как и говорил Лейст, на створках были две одинаковые ручки, расположенные на таком расстоянии друг от друга, чтобы один человек не смог их повернуть.

– На счет «три», – сказал Лейст. – Раз, два, три!

Створки начали с тихим гулом открываться. Лейст втянул носом знакомый запах антирадиационной пены и улыбнулся. Все-таки, космические полеты так и остались для него чем-то невероятно романтичным.

– А там по плану должен быть удивленный гинопосец? – слышался голос священника. – Надеюсь, что да, иначе план под угрозой.

Глава 18

Лейст вышел из-за слишком медленно открывающейся створки и замер. Корабль – отличное разведывательное судно с форсированным двигателем – был на месте, с опущенным трапом. В нескольких шагах от трапа стоял, приоткрыв рот, бледный коренастый человек. Он действительно выглядел обескураженным, но Лейст готов был поклясться, что причиной тому не их вторжение, а открывшийся за воротами ангара вид, ворвавшийся внутрь свежий воздух.

– В чем дело? – справившись с собой, крикнул человек. – Зачем священник?

Лейст понял, что это – последний шанс вернуться. Извиниться, сказать, что ошиблись, пробормотать какую-нибудь ерунду и убежать. Отчасти он хотел этого, хотел прекратить безумие, но мысль о вонючей конуре, в которую превратился его дом, о бывших друзьях и о соседях наполняла его отвращением. Что его там ждало, кроме самоубийства? Есть же более веселые способы покончить с собой.

Не говоря ни слова, Лейст бросился вперед. От гинопосца его отделяло порядка десяти метров. Тот, видимо, тоже подумал, что у него есть один шанс закончить битву, не начав: он провел рукой по бедру, убедился в отсутствии оружия, потом взглянул в сторону трапа. Когда же он повернулся обратно, Лейст увидел изготовившегося к битве воина.

Сделав обманный выпад рукой в голову, Лейст крутнулся на одной ноге и, используя остатки энергии бега, ударил противника другой ногой в корпус. Это была чистая импровизация, построенная на уверенности в том, что против гинопосцев обычные способы ведения боя не годятся.

Гинопосец легко отбил удар рукой и сам бросился в атаку. В этот момент Лейст пожалел о последних годах, проведенных в алкогольном тумане. Неудержимо быстрый и при том сильный, гинопосец засыпал его ударами. Отразить Лейст сумел лишь некоторые, остальные достигли цели, лишив его возможности ориентироваться в пространстве. В голове звенело, очаги боли вспыхивали то тут, то там, сливаясь постепенно в один большой пожар.

Лейст наугад махнул рукой и тут же угодил в захват. Кости затрещали, когда гинопосец вывернул ему руку. Яростно взревев, Лейст попытался прыжком высвободиться из захвата, но, видимо, удивить подобным гинопосца было нельзя. Он перехватил Лейста поперек туловища и бросил на металлический пол ангара.

– А теперь рассказывай, выродок, кто ты и что ты, – потребовал гинопосец. Он держал ладонь возле горла Лейста, пальцы легли на нервный узел. Одно легкое нажатие – паралич на час, одно сильное – смерть.

– Давай, со всей силы, – прохрипел Лейст, отмечая про себя, что его соперник даже не запыхался.

– Сдохнуть хочешь? – приподнял бровь гинопосец. – Я бы с радостью, малыш, но на меня за это столько дерьма выльется, что лучше не надо. Что, Реввер прислал «торпеду»? Ты под наркотой?

Где-то далеко завывала сирена, слышался звук приближающихся моторов. Лейст закрыл глаза. Так глупо все закончилось, не успев начаться. Что дальше? Тюрьма? Не за убийство, а за нападение на убийцу?

– Хорошо, что здесь есть камеры, – вздохнул гинопосец. – Подождем, пока приедут блюстители порядка, и расстанемся.

Воспользовавшись расслабленностью гинопосца, Лейст вывернул шею под чудовищным углом и вцепился зубами в державшую его руку. Гинопосец не кричал. Свободной рукой он обрушил серию ударов на голову Лейста. В глазах потемнело, в рот потекла кровь. Рыча, как животное, Лейст начал подниматься.

Крик гинопосца застал его врасплох. Парень ревел так, будто его выворачивали наизнанку. Лейст почувствовал свободу и отскочил назад, вытирая залитые непонятно чьей кровью глаза.

Крик прекратился. Посмотрев туда, где должен был стоять его противник, Лейст увидел его лежащим без чувств. Рядом с ним стоял священник, крутя в руке универсальный ключ.

– У тебя фонарик выпал, – сказал он, бросив ключ Лейсту.

Сирены орали совсем рядом, и Лейст поковылял к трапу. Священник помог ему взобраться по ступенькам. Рычаг закрытия люка оказался сразу же у входа, а не в кабине управления. Лейст поднял его, и трап поднялся, задравая собой люк.

Когда закрылась внутренняя створка, Лейст позволил себе вздох облегчения. По крайней мере, напасть на них уже не получится – подобные корабли обладали высочайшей степенью защиты.

– Они могут закрыть ворота, – сказал священник.

– Знаю, сейчас.

Интуиция профессионального пилота безошибочно привела его в просторную кабину. В сущности, это была полноценная комната, посреди которой находились кресла двух пилотов и пульта управления с торчащими из них штурвалами.

Лейст сел на место первого пилота и вставил ключ в соответствующий разъем на пульте.

– Теперь все в руках божьих, святой отец. Если эта штука не расплавит кораблю мозги, то мы спасены.

– Аминь, – отозвался священник, устраиваясь на свободном сиденье.

Лейст нажал на кнопку. Почти физически он ощутил, как разряд проходит по проводам, ломая системы защиты, одну за другой. Секунду ничего не происходило, а потом кабину залило мягким светом, ожила и замерцала разноцветными огоньками панель управления.

– Есть, – прошептал Лейст, чуть не плача от радости. Видимо, бог еще не совсем от него отвернулся.

Руки Лейста уже делали свое дело. Он вывел на монитор камеру заднего вида. За раскрытыми воротами показались несколько мотоциклов – охрана, не полиция. Лейст включил задний ход и нажал на педаль. Корабль всей своей массой рванул назад. Охранники, побросав мотоциклы, разбежались в разные стороны.

– Пристегнитесь, святой отец, – сказал Лейст, сам нащупывая ремень безопасности.

Покинув ангар, корабль изящно развернулся и помчался вперед, стремительно наращивая скорость. Из дюз рвалось пламя, моторы ревели.

– Взлетаем!

Лейст потянул на себя штурвал, и корабль оторвался от земли.

– Я тут подумал, – сказал вдруг священник, – а нас не собьет ПВО?

– Корабль Гинопоса? Вряд ли.

Они переглянулись и вдруг расхохотались одновременно, давая выход невероятному напряжению. Небо быстро чернело, на нем появлялись звезды. Иргил оставался позади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.